

Ольга Ярмакова

the Notebook:

найденная история

Ольга Ярмакова

the Notebook: найденная история

«Автор»

2016

Ярмакова О. В.

the Notebook: найденная история / О. В. Ярмакова — «Автор», 2016

Лиза – обычная с виду девушка, но у неё есть секрет. Она – наблюдатель, человек наделённый даром перемещаться во времени. Обладая подобной силой, Лиза подчинена ряду строгих правил и ограничений: она не имеет права каким-либо образом воздействовать на ход истории, не должна сблизаться с кем-либо и обязана хранить тайну своего дара даже от самых близких людей. Но безмятежная жизнь наблюдателя омрачается учащающимися кошмарами во снах, в которых Лизу преследует мужчина, принимающий облик волка, с целью покарать. Ведь в далёком прошлом она воспрепятствовала охоте монстра на маленькую девочку, что приравнивается вмешательству в ход истории.

© Ярмакова О. В., 2016

© Автор, 2016

Ольга Ярмакова

the Notebook: найденная история

Привет! Это тетрадь наблюдений Лизы К. Т.

Если вы сейчас держите в руках этот дневник, то знайте, что я...

Ха! Не-не-не! Я вовсе не умерла и ничего со мной плохого не случилось. Всегда хотела написать эту фразочку – «если вы сейчас держите...». Всё просто, я снова потеряла свои записи, а ты, кто бы ни был, их благополучно нашёл.

Это уже четвёртый дневник, но, да и неудивительно, с моими-то постоянными похождениями нетрудно забыть или выронить записи. Что ж, добро пожаловать в мой мир, любопытный подбиратель чужих дневников. Может ты один из моих братьев, тогда мне не о чем беспокоиться, и ты ничего нового для себя здесь не найдёшь.

Но, если ты из другой касты, то держись крепче, приятель, тебя ждёт нокаут и в лучшем случае ты выкинешь записи в урну, да пойдешь себе дальше, а вот в худшем.... Не буду обламывать кайф! Читай в любом случае, недаром же я столько чернил исписала. Приятного аппетита, любезный, нашедший мои наблюдения, и да пребудет твой разум в благополучии.

А ты когда-нибудь убегал от времени, или пытался обогнать ход его чопорных слуг-стрелок? Или неторопливо прогуливался в промежутке меж отсчётом секунд? Нет? А я это делаю каждый день, каждый час и даже сейчас, когда ты читаешь эти строки, я перешагиваю за черту времени.

Тебе приходилось спасаться от смерти, преодолевая все мыслимые и немыслимые рубежи истории человечества, совершив всего лишь одну оплошность, всего одно действие, за которое тебе не откупиться во веки?

А доводилось ли тебе наблюдать злодеяния, от которых стынет кровь и рвётся наружу возмущение, и при этом ни пальцем не пошевелить ради торжества справедливости?

Нет? Значит, ты не я и тебе крайне повезло, счастливец. Но если ты понимаешь, о чём речь, то сохрани мою тайну и огради себя от моих ошибок.

I

Sp. past

Феликс в курсе моих дел. Не всех, конечно. Впрочем, и я не всегда была в курсе всех его дел потому, как знаю его не так давно. А в целом и, в общем, никому не дано знать всего про своих знакомых и родных. Родители не узнают о старости детей, а дети о юности своих родителей. Это закон природы и ничего тут не попишешь, за исключением тех несчастных родителей, что обречены волею судеб пережить своих детей. Да, они могут знать и сказать о своих усопших чадах все от «А» до «Я», но это грустная история и не для моей писанины.

А мой милый друг многое мог бы рассказать обо мне, но, увы, он только может посмотреть в твою сторону своими рогульками и уйти медленно туда, куда зовут его дела.

Ах, да! Я же не познакомила тебя, незнакомец, с моим чудесным другом. Представляю твоему вниманию – мой верный напарник во всех моих похождениях, Феликс. Он улитка. Но не простая какая-нибудь кроха размером в несколько миллиметров, а *Helix Pomatia* – виноградная улитка. Это настоящий гигант, добрых пятнадцать сантиметров дружбы и молчаливого соучастия.

Наша встреча была знаменательна, думаю, именно так бы выразился какой-нибудь маститый писатель. Мы с ним повстречались одним тёплым августовским вечером на узкой одино-

кой тропинке. Я скорее почувствовала тогда, нежели заметила краем глаза, что под ноги мне со стороны травы выползает нечто живое и требующее внимания. Слева от меня на дорожку вылезла, растянувшись серым тельцем из-под круглой, витиеватой, песчаного цвета раковины, большая улитка. Ни секунды не раздумывая, я наклонилась и схватила этого мальчика. Он естественным образом испугался от такой неслыханной наглости и втянулся в домик.

А я? В моей сумке-торбе всегда есть что-нибудь полезное на все случаи жизни. И нашлась там одна пустая пластиковая коробочка, в которую и отправился мой новый друг, заодно получив тут же имя. Феликс. Почему именно это имя? Сама не знаю. Просто пришло в голову и всё тут.

А потом моему другу был приобретён просторный контейнер, в крышке которого были высверлены дырки для воздуха, и зажил в новом доме Феликс, будь здоров. Эта привереда ещё и не всё ел, что ему предлагалось в пищу! Помидоры и перец были отвергнуты и игнорировались, но зато огурцы и салат, так прихлебались этой лакомке по душе, что уминал он их с завидной скоростью.

Но, всё это так, мелочи жизни, Феликс оказался на деле очень преданным, полезным и, в общем-то, единственным моим другом, с которым я могу говорить откровенно и обо всём. Это непередаваемое чувство, когда он сидит на плече, растопырив свои рогульки, холодный и влажный, и мы вместе идем, и ему всё равно куда, главное, что мы вместе, мы едины, мы одно целое.

Я снова веду себя, словно невоспитанный школяр, не представившись и завлекая тебя, мой загадочный друг, туда, о чём ты ещё понятия не имеешь.

Меня зовут кратко и очень просто, а именно, Лиза. Есть, конечно, и более длинный и пафосный, на мой взгляд, вариант данного имени, что-то типа Елизаветы, но это скучно. Ты должен согласиться со мной, я уверена в этом.

Мама зовет меня Лизи, или котёнком, из обоих вариантов удобоварим скорее второй, чем первый, хотя оба приторно-сладкие. Но мама – есть мама.

Папа чаще прибегает к обращению более строгому и ударному, Лизет, у меня это ассоциируется с португеей, которая издает такой глухой хлопок в воздухе, когда ею резко вздергивают наотмашь в руке.

Моя милая и любимая старшая сестрёнка Лили. Лишь она чувствует, как мне иногда тяжело бывает жить с моей тайной, хотя ничегошеньки не знает, и зовёт меня не как все, а как тайный соучастник и самый близкий друг – Лиса.

Друзья обращаются ко мне в основном очень демократично и практично: ребята кличут Лиз, а девочки – Лизой.

Если интересен мой возраст, то мне двадцать шесть с хвостиком, а вот Феликсу сейчас, скорее всего четыре года, этот негодник не имел при себе паспорта, когда я его нашла, поэтому понабравшись описаний и комментариев из нашего всего, а именно интернета, навскидку прикинула, что он ещё хоть куда.

Внешне я проста и привычна для обывательского глаза, вполне могу сойти за твою соседку или подругу, если та любит спортивный стиль в одежде. На мне практически всегда джинсы, кофты, футболки или майки, кеды и моя сумка-торба, в которой есть всё и на все случаи жизни. Волосы песочного оттенка до плеч предпочитаю убирать в аккуратный хвостик, но иногда делаю исключение и даю волю прядкам, которые тут, же подначиваемые ветром лезут в лицо.

Живу с родителями, работаю в одном очень скучном офисе, который лишь служит ширмой моей настоящей жизни, которую ты частично узнаешь на этих страницах.

Увлекаюсь многим, даже слишком многим, считаю себя оттого «коллекционером». У меня, наверное, тысяча всяких дел и хобби, и люди – это моё самое большое из увлечений. Наблюдать за ними, их жизнью и оставаться в тени подчас сродни шпионажу, но безобидному и непостыдному.

P.S.: Свои записи я помечаю сокращенными заголовками, обозначающими условную дату. Я не пишу числа, месяца и тем более года, для меня это уже давно утратило всякое значение, а вот тебе, мой загадочный читатель, будет сначала не совсем понятно, но ты втянешься со временем в эти условности и тоже потеряешься во времени, как и я.

Чтобы тебе было не так сложно, поясню – любой день недели я сохранила, но решила его писать сокращенно, ибо, такова моя прихоть. Рядышком обозначается тот временной отрезок, в который меня «занесло» по моей же воле.

Вот простой пример: *Пон. past* (понедельник прошлого), *Пон. future* (понедельник будущего). Чуть позже объясню, почему пропало настоящее. Я уверена, что ты разберёшься, и проблем в дальнейшем у тебя не будет.

Удачи и незабываемого путешествия, не заплутай во времени и пространстве моих страниц, незнакомец!

Чет. past

Человечество делится абсолютно на три неравные группы людей: первая группа, составляет основную активную массу, живущую в благостном и слепом неведении истинного мира; вторая группа творческая, и в целом, действующая, прозвана вершителями; а вот третья, которая с легкостью может раствориться в первой и второй группах, наоборот, ни во что не вмешивается, живёт по своим строго отведённым правилам, но неотрывно от общества в целом и в тоже время обособленно – наблюдающая. А люди, входящие в эту маленькую и серую на первый и ошибочный взгляд категорию, прозваны наблюдателями. И я с гордостью делюсь с вами моей маленькой тайной – я тоже наблюдатель, я одна из немногих. Я одна из тринадцати сотен.

Кем-то было в древности определено, что за порядком в мирах, помимо нашего земного мира, должны следить и нести службу вершители. И наделены они способностью преодолевать любое пространство и время, но лишь в строго подшефных им мирах, и только в определённый период жизни, когда будет востребована их сила. Их тоже тринадцать сотен, как и нас, наблюдателей. Иногда мне думается, что они наши близнецы, только более яркие что ли, лучезарные.

У наблюдателя строго отведённый кодекс правил, которым он должен следовать неукоснительно и безоговорочно. Ты не становишься наблюдателем по своей воле или прихоти, о нет, ты рождаешься таковым и это твой приговор на всю жизнь, нравится тебе это или нет. Были, конечно, такие, кто пытался изменить свою принадлежность и перейти на «другую сторону», как обычно называют всех, кто не наблюдатель, но, поверь, для этих несчастных бунтарей все заканчивалось плачевно. Потому что нельзя не сломав себя, изменить свою суть, своё нутро. А всё, что ломается, уже никогда, уж поверь мне по опыту, никогда не бывает целым.

Наблюдателям нельзя не во что вмешиваться, а это означает, что они могут быть в любой точке Земли, в любом временном отрезке, *но*, могут лишь смотреть, то есть наблюдать за любым событием и людьми в нём. Чувствуешь, незнакомец, всю немощь и инвалидность в таком могуществе? Я бы даже сказала, ущербность от осознания, что способен управлять временем, но при этом не можешь даже деревца тощего посадить, ведь даже это уже действие, которое может понести последствие во временном ручье. А наблюдателю строго настроено нельзя ни на что влиять!

Мне иногда смешно и грустно одновременно от осознания того, что одни люди способны жить в полной мере, наслаждаясь тем, что они могут делать и влиять на жизненные обстоятельства, но при этом вершить свои миссии они могут лишь в строго отведённом им отрезке жизни. А другие преспокойно гуляют по лабиринтам временной спирали, но при этом связаны по рукам и ногам запретом в самом элементарном действии.

Как же это жестоко и в тоже время забавно до нелепости. Кому-то очень было скучно, раз для забавы, – а для чего собственно надо было такое делать, – сотворен был эксперимент по разделению людей на столь зеркально противоположные группы. Ты хоть задумайся, ведь все, абсолютно все наблюдатели обречены на одиночество. Нет, общение не под запретом, иначе бы нас давно отгородили ото всего человечества и сочли ненормальными, но эта самая малость есть не что иное, как самая большая поблажка. Ведь и словом можно вершить дела и влиять на суть вещей. Потому наблюдатель больше слушатель, нежели говорун, ибо должен следить за каждым своим словом.

Есть, конечно, исключения из правил. Я знакома с одним очень интересным преподавателем математики в одном солидном университете, зовут его Кливленд Вайсман, и я ещё не раз буду о нём упоминать, так как частенько прихожу к нему на занятия, чтобы послушать его занимательные и довольно поучительные «лекции» в лекциях. Знаешь, а ведь он так много своего вкладывает в молодую поросль и ведь это же колоссальные знания! Но, есть исключения и в таких делах. Иногда можно косвенно, как это делает мистер Вайсман, свершать благие поступки, но так, чтобы они оставляли семена добра в душах воздействуемых и не вносили в будущее никаких особых неожиданных последствий.

И лишь, встретив подобного себе, а это большая редкость и подарок судьбы, мы можем наговориться вдоволь. Потому, как наедине наблюдатели обособлены от окружающего их мира и свободны от него на некоторое время.

Воск. past

Тебе никогда не казалось, что ночью время течёт по-другому, иначе так сказать? Может эта особенность касается только наблюдателей, а может это только моё видение, но я бесщётное множество раз замечала, как одно и то же расстояние днём и ночью преодолевается за разное время. То, что я проходила днем за десять минут, ночью преодолевала за пять, и так с любым расстоянием, независимо от места и расположения. Ночью, даже когда ступаешь по земле, то чувствуешь иначе свой шаг, он будто более пружинный и легкий и когда идёшь быстро, то всё проносится мимо вдвое быстрее.

У меня и отношение иное к времени, не такое, как у обычного человека. Для любого нормального индивида существует понятие трёх видов времени: прошлого, настоящего и будущего. Это естественно, логично и понятно. Но я отсекала из своего существования понятие – настоящее. И сейчас попробую донести свою точку зрения, как смогу, а ты, мой незнакомый друг, попытайся это переварить и не чертыхаться при этом.

Как ты запомнил, у наблюдателя есть весьма крутая возможность путешествовать во времени. Так вот, для меня давно стёрся тот маленький отрезок под названием «настоящее» потому, как даже будущее, которое я могу с лёгкостью только что посетить, во временной ленте тут же становится прошлым. В самом начале моих путешествий я еще мучилась и пыталась разграничивать и делить время на три рациональных отрезка, но когда ты только что был в далёком прошлом, а уже через мгновение шествуешь в отдалённом будущем, то твоё настоящее начинает терять определённый статус.

Знаешь, время лишь для обычных людей имеет значение и чего-то стоит, для людей моей категории оно потеряло свою истинную цену. Ну, в самом деле, когда можешь менять местоположение в любой точке времени, то даже настоящее уже видится под относительным углом и становится зыбким и недействительным. Хотя, опять же, для наблюдателя всё везде должно остаться константой в любой временной ленте, он же не меняет и не влияет на события. Но это лишь по сути, а так время в действительности лишь дверь для таких, как я и не более. Со временем воспринимаешь всё намного проще и циничнее, наверное, так. Забавно, даже здесь промелькнуло слово «время». Ну, никуда без него, никуда. Да.

Если вдуматься, то мы все живем в прошлом. Вот, сам подумай, ты прочитаешь эти слова, и они уже не в настоящем, а в прошлом. Секунда будущего в момент становится секундой прошлого. По сути, всё человечество живёт в двух временных отрезках, а настоящего не существует. Ведь если бы оно наступило, то время должно было бы остановиться, а это бы означало вселенскую катастрофу, ну или земную уж точно. Наше «настоящее» лишь условность для нашего спокойного разумного существования, на самом деле его не существует. Как это нелепо даже звучит – настоящее не существует.

Задумайся, ты моргнул и всё то, что ты только что видел до закрытия век, это ушло в прошлое тут же. Скользящий миг будущего ушёл в прошлое, но настоящего здесь нет, и не было. Будущее очень неясный размытый временной отрезок, и наступает он моментально, но по ошибке его воспринимают за настоящее время, вернее самый ближайший будущий фрагмент.

Есть такой интересный временной парадокс: в прошлом, куда я попадаю, для меня наступает будущее, которое в том периоде, где я проживаю по факту, стало прошлым, а вот в будущем произошедшие со мной события попадают в разряд прошедших и считаются по праву прошлым временным отрезком, но опять же в моем «прожиточном» мире они есть будущее.

Настоящее время существует лишь для вершителей, в тот момент, когда они осуществляют свои переходы сквозь миры и для наблюдателей, когда просто необходимо останавливать время, или «рвать стену», как мы профессионально это называем, чтобы перескакивать через пласты временной летописи Земли.

Посему в этом дневнике нет настоящего, а есть только прошлое и будущее, вот, почему в пометках-оглавлениях ты, незнакомец, будешь видеть только два времени, вместо трёх. Так честно и просто, даже, если ты в корне не согласен, но это мой мир и я его так вижу.

Воск. past

Проклятье! Снова начались кошмары. Давненько меня не затягивало в вязкую серую муть страха и холода. Давно я не выскакивала из пучины ревущего за спиной хаоса, вырываясь из цепких когтистых лап чудовищ. Но самое неприятное, что после ничего невозможно вспомнить, ни картин, ни голосов. Только липкое ощущение блекнувшей жути в волосах. Пожалуй, и всё. Ах да, ещё этот пронзительный волчий вой в глубине сновидения. Его я услышала впервые. Надеюсь, в первый и последний раз.

Вм. past

Хочу поделиться одной историей, произошедшей со мной во второй половине XVII века. Не забыл, незнакомец, я же наблюдатель и путешественник во времени? Что-то странное происходит в последнее время, и корни его исходят, по-моему, именно с тех давних времён. Надеюсь, что это моя паранойя, ох, как же я надеюсь на это.

Не буду указывать точную дату и место, не к чему всё это тебе, в истории уж точно нигде мой визит не отразился, я досконально проверяла. Это случилось полгода назад, для меня естественно, в одном маленьком провинциальном городке, в котором я провела тогда несколько дней. Кстати, впредь я так далеко не «прыгала», уж больно велика опасность наследить, да и себя выдать.

Уж не помню, где я раздобыла то шикарное платье из парчи с рюшами, кружевом и прочими украшениями, но что-то меня тогда, глядя на этот наряд, натолкнуло на дикую мысль сгонять подальше в прошлое. До этого я заходила не дальше начала XX века. Это действительно была очень дикая и незрелая мысль, меня тогда уж точно бес повёл в тот город, потому,

как и направление было выбрано вслепую, да и в целом не представляла я, куда попаду. Доверилась слепо интуиции.

Память тоже странная штука, как же она затирается быстро, обесцвечивается и выгорает, словно бумага с рисунком на солнце. Это я к чему? А к тому, что всех деталей досконально не могу вспомнить, может выборочно что-то запоминается, а может это побочное действие перемещений. Нам тоже не всё дано знать о наших способностях.

Удалось мне познакомиться с одной знатной особой, баронессой вроде, (имени уж убей, не помню) и выдать себя за не менее знатную даму, прибывшую издалека и следовавшую в крайне дальний город к супругу, это было придумано для безопасности и весьма удачно. Конечно, для пущей убедительности пришлось добавить, что на мой экипаж напали разбойники, благо в те времена ими кишели леса в той стороне, а посему чудом спасшись из лап этих «негодяев», я осталась без слуг, средства передвижения и драгоценностей. При мне осталась только моя торба, ибо её скромный вид не возбудил в головорезах алчного аппетита.

Эта самая баронесса приняла мою историю за чистую монету, какие же всё-таки люди раньше были доверчивые и в чём-то простые, а возможно и тому посодействовал мой «шикарный» по тем меркам наряд и ухоженный вид. И эта дама уговорила меня погостить в её доме несколько дней, дабы усладить её рассказами о других местах и людях, так как в их глуши редко что случалось. Как я позже узнала, не так уж и мало у них происходило.

Я, естественно, согласилась, жить-то мне было негде. Вначале я и не планировала там задерживаться более одного дня, помышляя прогуляться, осмотреться, да и всё. Но такой случай подворачивается редко и я рискнула.

Дом у баронессы оказался довольно большим, каменным и холодным. А на улице стояла поздняя осень, выпавший лёгкий снег растаял, наведя на дорогах размазную грязь. Хорошо, что камин был в той комнате, которую определили мне в опочивальни, сильной жары не было, но, по крайней мере, я не мёрзла. Супруг моей хозяйки был весьма успешным охотником – все коридоры и комнаты были увешаны его трофеями и оружием, что в вечернее и ночное время меня беспокоило и пугало. Особенно меня утешало чучело несчастного волка с разверзнутой клыкастой пастью и поблескивавшими глазами-стекляшками. Он стоял в углу у окна немым истуканом и ночным сторожем моей спальни. В первую ночь, я даже не смогла уснуть, всё казалось, что он оживёт и кинется на меня, а затем перегрызёт мне глотку.

Кроме чучел животных стены дома украшали портреты весьма обширного семейства, и баронесса ознакомила меня лично с каждым персонажем её картинной галереи. Я была удостоена чести свести знакомство с юными отпрысками сего достойного дома. Две бледные и худосочные девицы четырнадцати и шестнадцати лет от роду подобострастно внимали каждому моему жесту и слову. Также я была представлена забавному шкодливому мальчугану-непоседе лет десяти, который едва обратив на меня внимание, тут же юркнул в дверной проём и был таков.

Через пару дней моего пребывания в доме гостеприимных хозяев был назначен званный ужин, на который была приглашена вся знать городка, и баронесса мне с гордостью объявила, что я буду самой почетной особой на этом приёме, чем меня немало смутила. Но отступить было уже поздно, и я продолжила свою игру дальше.

Весь день прислуга сутилась по дому, прибирая, выстилая ковры и хлопоча на кухне, где готовились яства. От служанки, приставленной мне в помощь, я узнала, что не все просто и тихо в сей местности. Полушёпотом и оглядкой на дверь, девушка доверительно мне поведала, что за последние полгода в городе и местной округе стали пропадать дети, причем исключительно девочки в возрасте от пяти до восьми лет. Никто найти детишек не мог, и потому их считали пропавшими навсегда, то есть умершими. Эта история поразила меня тогда той страшной тайной, что стояла за ней и которую я случайно приоткрыла после.

Не буду тебя, незнакомец, утомлять описанием самого приёма, вернее долгого и скучного ужина за длинным столом, поверх которого как в лучших домах, были выставлены многочисленные блюда со всевозможной едой и кубками с напитками. Меня представили каждому гостю, как редкий экспонат, случайно занесённый благим ветром по воле случая. А потом усадили рядом с хозяевами, что считалось почётным местом за столом. Помню, что было скучно, потому как в суть и колорит местных разговоров войти я никак не могла, да и особого желания не было, поэтому единственным развлечением в тот вечер для меня стала небольшая группа музыкантов, развлекавших гостей своими пасторальными мелодиями, примостившись в углу просторного зала.

Из гостей мне запомнился один молодой и статный вельможа. Да и не мог он не приглянуться, подобные люди обычно сразу в глаза бросаются своими манерами, жестами и поведением. Заметно было, что он весьма красив и успешен среди дамского общества, но при всём своем обаянии, манерности и вальяжности, было в нем нечто холодное и отталкивающее. А ещё очень странные глаза были у этого мужчины – серые, полупрозрачные с чуть растянутыми в вертикаль зрачками. Тогда я ещё подумала, что у него глаза, как у волка, что стоял в моей спальне.

Просидев пару часов, я уже собиралась под благовидным предлогом слинять с приёма, когда заметила, как одна девушка-служанка, хлопотавшая неподалеку, прихватила со стола пряник и ловко его припрятала в складках юбки. Девчушке внешне от силы можно было дать лет тринадцать, но за счет высокого не по годам роста, её видимо и взяли на эту работу. Поблагодарив гостеприимных хозяев за сытный и обильный ужин и сославшись на усталость, я покинула приёмный зал, но проходя мимо той девушки, попросила её проследовать за мной. Она послушно вышла из зала и вместе мы дошли до моей комнаты, где я ее и спросила, почему она украла пряник со стола.

Мария, так звали служанку, испугалась и стала умолять не выдавать её хозяйке. Оказалось, что у неё есть младшая сестрёнка Майя семи лет, которая ожидала её весь вечер на улице во внутреннем дворе господского дома. А старшая сестра, хотела порадовать малышку пряником, ведь больше некому было этого сделать – сёстры были круглыми сиротами. Я успокоила Марию и пообещала не раскрывать хозяйке пропажу пряника, но предостерегла девушку впредь так неосмотрительно орудовать на глазах у гостей. Ведь в другой раз так, как со мной, ей могло не повезти.

Кстати, я упоминала, что при мне всегда моя сумка-торба, так вот, я её и на ужин с собой брала, а баронессе наплела, что в моих краях это очень модно и последний шик. Из торбы я выудила несколько пряников, яблок и конфет-леденцов (конфеты были из моего времени, но без обёрток и завернутые в бумагу). Все эти вкусности я тишком свалила в сумку с праздничного стола, когда заметила, как девушка стащила пряник. У меня есть чутье на такие вещи – что и где может пригодиться и понадобится.

Всю эту съедобную прелесть я отдала ошарашенной Марии для её маленькой сестры, затем отправила обратно счастливую и сверх нормы благодарную девушку прислуживать гостям, а сама решила найти Майю и познакомиться с ней лично. Все-таки мне казалось, что ребёнку в холодное и тёмное вечернее время не место одному на улице.

На внутреннем дворике было промозгло, ветрено и темно, лишь в двух местах горело по два факела, предусмотрительно зажженные кем-то из слуг. С живой огненной сердцевиной эти светочи озаряли главный парадный вход в дом и выход над каменной аркой въездных ворот.

Девочку я не сразу заметила, малышка маленьким серым комочком ютилась у стенки арки и, заметив меня, а вернее мою фигуру, вышла на свет, видимо спутав меня с сестрой, потому как я услышала ее тонкий голосок, отчётливо произнёсший имя Марии.

Я уже хотела подойти к ней, но в тени, за спиной ребёнка что-то шевельнулось. Это была человеческая фигура. Если честно, я тогда испугалась в тот момент. Не за себя, а за Майю, за

эту крошку, кутавшуюся в явно взрослую мужскую куртку, скорее всего отцовскую. А фигура медленно наплывала всё отчетливее, проступая в сереющей тени, и вот тут-то я увидела глаза, те самые, с которыми совсем недавно пересекался мой взгляд на ужине. Только теперь это был холодный звериный взгляд волка-охотника, глаза прямо-таки лучились синим огнём в темноте.

Ещё секунды две я колебалась, но всё-таки храбрость вернулась в мои голосовые связки и я призывно и настойчиво позвала малышку по имени. Она насторожилась, но сделала один неуверенный шаг в мою сторону. Тогда я вышла в свет факелов у парадного крыльца, чтобы ребенок мог меня хорошо видеть, и позвала вновь, упомянув имя старшей девочки. На этот раз она меня послушалась и доверчиво приблизилась.

Видел бы ты, мой неизвестный читатель, лик того, кого тьма укрывала до сей поры! Он явно желал схватить Майю, но в последний момент жертва ускользнула, и от досады и ярости он выступил на свет под аркой ворот и показал своё истинное лицо. Не думай, там не было жутких клыков, шерсти и подобных сказочных штучек из ужастиков. Достаточно было перекошенного лютой злобой лица и горящих в свете огня нечеловеческих глаз. Это длилось мгновение, а затем он также быстро ушёл в тень, но напоследок оставил мне свою улыбку, злорадную и будто обещавшую нечто нехорошее именно мне.

Я с облегчением вздохнула и, взяв девочку за руку, увела её в дом, проведя малышку на кухню. Там я строго настрого наказала Майе больше никуда не уходить и ждать сестру, у которой для неё были гостинцы. А Марию я перехватила в коридоре, когда она возвращалась на кухню и попросила впредь младшую сестрёнку не оставлять одну, если она не хочет остаться совсем одна на белом свете. Девушка испугалась моих резких слов, закачала головой и стремглав побежала на кухню, узнав, что там её ждет девочка. Уж не знаю, послушалась ли она меня и уберегла сестру от того монстра, на которого пали мои подозрения в похищении детей, мне это не ведомо.

Я вернулась домой тем же вечером, решив больше не рисковать. Я же наблюдатель и не имею права влиять на ход событий. Но наблюдать за тем, как совершается злодеяние – поверь, испытание ещё то! Я вмешалась в ход истории, хоть и ничтожно малой, но до сих пор не жалею об этом. И знаю, что расплата меня не минует, мне не отвертеться, только вот цена ещё не определена за этот «проступок». И я уже давно подозреваю, что та зловещая улыбка, подаренная мне Волком, а именно так я Его и зову с той поры, была тем дурным предвестником неминуемого наказания. Ибо Он меня преследует! Но об этом в другой раз и в урочный час.

Ср. future

А американцы то были правы! Действительно, произошёл апокалипсис, стёрший все цивилизации в пыль и омертвивший города, служившие когда-то пристанищем и ловушкой искателям лучшей доли. Теперь только ветер разгуливает по пустынным улицам и заросшим травой и кустарниками проспектам. Зомби? Нет! Эта сказка-страшилка для любителей чёрного садизма над мозгом не нашла отражения в будущем. Люди выжили после многочисленных эпидемий и войн, катаклизмов природы. Не все, конечно, но никто из умерших, слава Создателю, не возвращался обратно с того света. Да и ни к чему это.

Нынешнее поколение тех, кто ещё помнит прошлое, считают, что ад наступил и лучшее уже позади. А вот молодая поросль, взрослая в нелёгких условиях выживания без электричества и газа, рада каждому дню и прославляет нового бога, дающего надежду и веру в светлое будущее. Ох, уж эти боги, пророки... они всегда были и будут. Человечество никогда не сможет жить самостоятельно, без привязки себя к чему-либо божественному, без хвалы и мольбы о помощи. Ибо когда совсем худо, у кого же ещё попросить поддержки, кого позвать в трудную минуту?

Натуральное хозяйство вновь ожило и набрало обороты по всем зелёным участкам планеты. Деньги потеряли своё значение ещё тогда, когда пали крупные державы, бывшие последним оплотом капиталистической экономики. На место бумажек, железа и драгоценных металлов пришёл натуральный обмен. Общество вновь вернулось к тому, с чего начинало. Да и слово «общество» здесь не уместно. Общины – теперь это самые передовые группы, которые чем-то напоминают древние поселения со своими правилами и уставами.

Когда я совершила свой первый скачок сюда, то была ошеломлена не то слово. Феликса ещё не было в моей жизни, и я тогда одна стояла среди степи, а передо мною всего в паре километров лежал сломленный людскими страстями город-исполин, когда-то слывший одним из самых процветающих столиц мира.

Хоть дороги уже, по сути, и не было, я добралась без проблем в этот город, благо обувка на мне та, что надо, мои любимые кеды. Красоты в этом мертвецце уже не было, он поблэк, выцвел и запаршивел. Даже жалко было его потрескавшиеся и усеянные трещинами дома, исписанные непристойностями и непонятными мне каракулями стены и окна. Стёкла сохранились в основном на верхних этажах высоток, да и то зубатыми осколками с толстым налетом чёрной копоти.

Одинокий двухэтажный дом привлек моё внимание. Лишь стойка с раскрошившейся вывеской подсказывала, что здесь некогда был объект массовых людских посещений, то ли это был магазин, то ли музей, то ли ещё что. А выцветшая, сотворённая чьей-то рукой надпись на его стене пробрала меня до мурашек своей не вязавшейся с этой разрухой нежностью. Вот те слова, что прописались в моей памяти:

Давай будем вместе.

Ты и я.

Будем жить в своём мире и никого в него не впустим.

В мире маленьком, но большом, давай.

Ты и я.

Я буду твоим маяком, а ты будешь моим светочем.

Мы будем жить друг для друга, давай.

Ты и я.

Давай будем вместе.

Любить, заботиться друг о друге, оберегать, давай.

Ты и я.

Давай будем вместе существовать.

Один ради другого, давай.

Ты и я.

Давай будем.

Давай. Будем всегда.

Ты и я.

Почему эти слова так запомнились мне и растрогали тогда, когда их впервые увидела – без понятия. Может, их написали ещё задолго до катастрофы, но тогда их никто не покрасил. Что-то в них такое есть, что-то близкое каждому, сокровенное что ли. Больше бы этого слышать и видеть сейчас, а не потом, когда уже некому будет.

Чем. past

Наблюдатель изучает и следит всю свою жизнь не только за людьми или событиями, связанными с ними. Для нашего брата важны все детали мира, в котором мы живём. Всё несущественное и обыденное простому люду, нам интересно и значимо. Я не исключение и собираю все свои наблюдения в эту тетрадь. И какими бы нелепыми и неказистыми они не показались тебе в дальнейшем, незнакомец, запомни – жизнь состоит из мелочей, по которым ты ходишь каждый день, мимо которых шествуешь важно, не обращая внимания и брезгуя. Ты живёшь в этих моментах, в деталях мира. А они порой так необыкновенны и волшебны, что дух захватывает!

Опять дома со светом были проблемы. Отключили второй раз за неделю. Авария или ещё беда какая, неважно, но нужно было найти свечку и зажечь. Она меня словно ждала, лежала на кухонном столе и спички рядышком.

Как же было приятно от этого маленького огонька, уютно и не одиноко во тьме. Посидишь немного в тишине, посмотришь на горящую свечу, задумаешься. Как странно, что такой маленький огонек способен притягивать к себе взгляд и греть, хотя сидишь за другим концом стола. Так умиротворяюще спокойно рядом с огнём, я расслабилась, руки на столе и голова моя уже лежала на них. А я всё смотрела на свечу и не могла оторвать взгляд от её танцующего огонька. Мысли растворялись, весь окружающий быт куда-то ушёл.

А что такое этот огонь? Что в нём такого необычного и почему меня так и тянуло, прикоснуться к этому трепещущему язычку пламени маленькой свечки в тёмной кухне? Знала, же что обожгусь, но всё равно хотела дотронуться до него!

Какой-то суеверный трепет накрыл меня. Передо мной была не просто горящая свеча. Нет. Ведь недаром, в древности при всех церемониях использовали огонь, его почитали священным и таинственным и поклонялись ему. Даже сейчас есть огнепоклонники. Вглядываясь в дрожащий лепесток, танцующий от моего дыхания на восковом стебле, у меня в голове поднималось много мыслей и одна странней другой.

А может огонь – это дверь в другой мир, ну, просто ещё люди не научились её открывать правильно. Ведь и такое возможно. Просто наш разум не способен такое ощутить и понять. А ведь это вполне может быть и так. Огонь не пускает в свой мир никого из смертных, мы этого ещё не достойны, а жаль.... Там, наверное, так красиво!

Ну, может так, а может и совсем не так. А что, если огонь – это души, миллиарды душ людских. Тогда становится понятно, почему пламя согревает и успокаивает, притягивает и отталкивает одновременно. Представить только, на кончике одной маленькой свечки танцуют миллионы, нет ещё больше. Нет такой цифры.

Голова шла кругом. Такая красота, небесная, нечеловеческая и пленительная. Провела рукой над огоньком. Приятное тепло и оно меня не обожгло. Хотелось вот так сидеть вечность и смотреть на огненный лоскут, и смотреть, и смотреть...

А потом дали свет, даже неприятно стало как-то. Электричество вмешалось в мои мысли и затмило свечу. Нет, я ещё хотела пребывать во власти того впечатления и мыслей, выключила свет, сидела напротив огонька и думала. Хорошо бы всем хотя бы изредка сидеть вот так и смотреть на такой же крошечный светоч. Сколько позитивных мыслей и идей он приносит и сколько умиротворения дарит.

Воск. past

По роду своей принадлежности частенько судьба сводит меня с интересными и неординарными личностями, которых в обычном «нормальном» (а по мне занудном) обществе считают ненормальными или свихнутыми, только потому, что они мыслят и говорят не по социальному шаблону.

В 1973 году мне повезло свести знакомство с одной дамой средних лет, одиноко живущей на окраине одной деревни. Кстати, ещё одно любопытное наблюдение – есть некая закономерность в том, что непонятые обществом, вернее непринятые, личности с богатым внутренним миром и самодостаточностью, но инакомыслием в голове, проживают обособлено и, как правило, на окраине социума.

Мне очень везёт на встречи с такими Личностями – эти люди для меня всегда с большой буквы. Возможно, меня притягивает их магнетизм радужной ауры, а вполне вероятно, и их ко мне влечет моя судьбоносная печать наблюдателя. Так или иначе, таких встреч предостаточно, все они незабываемы, ярки, как вспышки молний. Поведаю вкратце об одной такой.

Так вот, звали её Тамара, и работала она медсестрой в больнице. Познакомились мы с ней вот как: я разыскивала одного человека, и, встретив Тамару по пути, обратилась к ней за помощью. Всего несколько фраз в ответ и тот человек, который мне был нужен, перестал меня интересовать, а встречу с ним я решила перенести на потом, мне реально захотелось продолжить беседу с этой женщиной, что и случилось.

Некоторые её тирады я просто не могла не записать в тетрадь по прибытии домой, и кое-какие выдержки из той беседы я прямо-таки обязана донести до тебя, незнакомец. А вдруг и тебе, чтец, станут близки и интересны её слова?

«Что такое ненависть? Что это такое по сути своей, по своей природе?»

Боюсь, почти каждый заражён ею, но, ни у кого не возникает просто никаких подозрений на этот счет.

Во мне точно сидит эта зараза, эта тварь. Она паразитирует во мне всё сильнее с каждым днем. Давит клещами и рвёт мои нервы на лоскуты. А как она подчинила себе моё сердце – это просто непостижимо! Абсурд, но оно, словно радо ей и согласно работать и сотрудничать с нею.

Ей удастся заставить меня смотреть на мир через особую призму. Мне уже не нравятся многие вещи, которые раньше приносили удовольствие; меня раздражают люди, не все, а те, что не нравятся ей, и мне все труднее с ними общаться и понимать их.

Я пыталась и пытаюсь бороться с нею, но чувствую, силы мои подходят к концу, возможно, скоро я растворюсь, исчезну, сгорю, а ведь никто и не заметит; останется лишь лёгкая тень...».

«Грязь, понимаешь, она кругом и вляпаться в неё не трудно, впрочем, как и смыть её с себя. Но она навсегда остаётся в твоей памяти, и ничего не поделаешь с этим».

«Много раз я произносила это слово бездумно или для каких-то определённых целей. «Тишина» – сколько раз в жизни мне доводилось писать, читать или просто нашёптывать в виде отрывка из песни.

Но недавно я пересмотрела свою простоту к данному слову. Я заболела. Ну, не так чтобы серьёзно, обычная простуда. Но уши мне заложило капитально! Плохо слышны были обычно и привычно звучащие слова и голоса окружающего мира. Только глухой человек по-настоящему может оценить полное отсутствие любого звука, а обретя, слух будет скучать в определённой мере по пустоте. Вот именно то, что и подходит к определению тишины – *пустота*. Её и только её я ощущала в себе, а ещё звук моторчиков, монотонно работающих в моей голове. У тишины есть свои звуки, она не безголосна и может петь, если захочешь её услышать. А я слушала

очень внимательно. Музыка своеобразная, но зато приводит мысли в порядок и наводит на размышления.

Тишину почему-то всегда ассоциируют с состоянием полного отсутствия какого-либо звука. Но это не так. Тишина – это всего лишь минимализация звука, но не полное его отсутствие. Если убрать звук полностью, то это будет уже не тишина, это будет нечто-то иное на другом уровне сознания, но нам не доступное в этой жизни и, слава Богу.

Всё это обдумывалось мной, больной, не долго, но пришло вспышкой света, мгновенным озарением. И выздоровев, много раз я слушала по возможности тишину, в основном глубокой ночью и слышала её мотивы, её моторчики. И эта ночь не исключение, буду слушать, услышу».

И наконец, моя самая любимая фраза, высказанная Тamarой напоследок нашей незабываемой беседы:

«Это тело постареет, одряхлеет и станет тленом быстрее, нежели душа состарится хотя бы на одну секунду».

Пон. future

Знаешь, есть одна причина, вернее одна из нескольких, но, пожалуй, самая весомая, на мой взгляд, причина моих периодических посещений будущего, этаких наскоков. Это воздух. Ты себе не можешь даже вообразить, какой он необыкновенный!

Апокалипсис оказался монетой с двумя сторонами: да, общество цивилизованное, какое мы с тобой хорошо знаем, увы, кануло в лету, но, да и скатертью ему дорожка, зато с исчезновением технологий, машин и бензина больше нечему стало убивать кислород и отравлять бесценный воздух, который человечество так безбожно растранижировало. Людская катастрофа спасла всё то живое, что ещё можно было спасти. Парадокс? В природе нет парадоксов, а есть строгая закономерность, которая контролирует жизненные процессы и организует порядок, даже если кажется, что вокруг сплошной хаос.

Воздух очистился за несколько лет и пришёл в то состояние, в котором пребывал до освоения человечеством технологии переработки нефти. Ты себе даже не представляешь, незнакомец, насколько он чист! Это же концентрированное вино самой элитной коллекции, которое ты когда-либо пробовал и вряд ли попробуешь.

Лично я после десяти минут пребывания на открытом воздухе ошалеваю, и меня может слегка болтать в стороны, отчего некоторым встречным кажется, будто я пьяна. Но они не помнят! Они быстро забыли тот, отравленный смогом городской воздух, тот смрад, которым им было за счастье дышать в перерывах между работой и домом. Как же всё быстро забывается!

Вм. future

Не удержалась и повторила свой скачок в то же местечко, что и вчера. Хотя сама себе за правило установила не бывать в одном и том же месте чаще одного раза в неделю. Но как же здесь спокойно и прекрасно, ты только представь всё это моими глазами.

Какое яркое солнце! Такое яркое, что глазам больно, но притом такое ласковое. У меня непроизвольно вызвало улыбку и желание идти, бежать, всё равно куда, так хорошо было на душе и спокойно. И спокойно, и нет. Что-то щекотало, будоражило меня, а голос внутри говорил, что я должна действовать решительно и немедленно. «Делай, что хочешь, но не сиди, не стой. Немедленно действуй, немедленно!».

Не знаю, сомнительно, чтобы солнце могло творить со мной подобные штуки, нет, не уверена. Но что это? Что заставляет и побуждает множество людей в один прекрасный день к действиям, на которые они не могут отважиться, что их зовёт и манит куда-то? Благословение или проклятие? Для каждого наступает такой день, когда вдруг в нём просыпается что-то

сильное и необузданное и оно толкает его на решительность действий, кидает с головой в омут приключений, от которых в спокойствии будешь отрешиваться, как от проказы.

А солнце все ярче и ярче, щекотало мои нервы, подзадоривало. Дома были пусты, никого нет. Так спокойно и тихо, никто не мешал думать и решать. Часто одинокие минуты пугают своей суровостью, а главное этой мёртвой тишиной, но сегодня всё совсем по-другому, всё совсем не так.

Эта тишина была сладостна и прекраснее самой изысканной музыки. Она была волшебна. Я продолжала думать дальше. Что-то неуловимое вертелось на тонком острие мысли, но было так прозрачно, что это доводило до полного отчаяния. Это подобно тому, как страдать жаждой, видеть спасительную воду, но коснуться и утолиться ею, не иметь возможности, потому что – это всё прекрасный мираж.

Ну и чушь! К чему это я? Нет, солнце сегодня и впрямь было особенно яркое и странное. Во всяком случае, для меня. В голове полный разброд. В такие минуты обычно думается о смысле жизни, или как говорят, «на темы высшей материи», но со мной было всё по-другому. Внутри полный хаос мыслей и от того голова казалась пустой и тяжелой. Конечно, можно было сконцентрироваться и собраться, что я и попыталась, но как-то было лень, да и не хотелось; в общем, ничего не получилось, и я оставила свои попытки, навести порядок в голове.

Что же мне делать? Этот вопрос всегда был проклятьем людским. Сколько тысячелетий он мучил человека, изводил своей простотой и давил на разум с силой мощного удара. По сути – это вопрос без ответа. На него просто невозможно ответить, когда дело касается не простых житейских вопросов, а многогранных и запутанных жизненных коллизий.

Сейчас этот вопрос мучает меня своей безответностью и огромной дилеммой. Я чувствую, наступил поворотный пункт в моей жизни и нужно что-то решать. Но что? Я боюсь и не решаюсь. Трусиха, я обыкновенная трусиха! Как тяжело даются ответственные и жизненно важные решения, когда это так необходимо...

Небо, оно так чисто от облаков и спит яркой голубиной цвета. А солнце стоит в зените и ослепляет до черноты в глазах ещё сильнее, и зовёт куда-то.

Ты видишь, ты чувствуешь?

II

Пят. past

И почему самые бредовые и самые яркие мысли приходят в голову именно ночью? Иногда до такого додумаешься, лежа в тепле кровати и ворочаясь в ожидании сна, что голова идёт кругом. Интересно тебе, незнакомец, что мне этой ночью не давало покоя? Ладно, расскажу по секрету.

Четыре стихии тебе известны, а именно, воздух, вода, огонь и, собственно, земля обладают разумом и полноценными жизнями. Ни один из этих элементов не может существовать без другого в отдельности, но и вместе все сразу они тоже не могут быть. Посему меж ними заключён вечный союз-договор, который позволяет им жить в мире, а значит и в гармонии.

Я знаю, что ты сейчас выкрикнешь – мол, а какой тут мир, если постоянно происходят разные катаклизмы. Согласна с тобой, но, друг мой, подумай сам, ведь любой живой организм нуждается в пище и своеобразном поклонении. Недаром же в стародавние времена эти стихии обожествлялись и отождествлялись с некими волшебными сущностями во всех уголках планеты нашей. Как я уже упоминала, сей вечный договор включает в себя некоторые пункты, такие как жертвоприношения или попросту жатву жертв. Это просто: вода забирает потопами, наводнениями и цунами, огонь пожарами и молниями, воздух ветрами и смерчами, а земля землетрясениями, оползнями и тому подобным.

Жертвы берутся массово или единично, но всегда есть строгая закономерность этих «жатв», со стороны кажущаяся бессмысленной и кровожадной. Растения, насекомые, животные и люди – это так естественно и так понятно, но также жертвами чаще становятся и рукотворные создания людей, а именно, машины, дома, техника.

Почему это случается и к чему стихиям все эти «жатвы» с катаклизмами? Думаю, что на том духовном уровне, на каком живут эти Боги, всё чувствуется иначе и видится по-другому. Вполне возможно, что как мы видим обычных насекомых на своей лужайке, травим, выжигаем, заливаем и разрушаем обычной лопатой их дома, также и мы видимы стихиями. Для них мы всего лишь мелкие букашки, ползающие по их лужайкам. И проявления бурь, вихрей, пожаров и камнепадов в горах есть всего лишь вынужденные меры по борьбе с мелкими вредителями.

Вт. future

Ох уж это будущее, куда все стремятся поскорее попасть... Нет там ничего прелестного и заманчивого, кроме освободившегося от смога и копоти воздуха, да вернувшей себе былую власть природы.

В том далёком, но не столь отдалённом, как кажется будущем, в людях возродилась первобытность, утерянная с расцветом цивилизации. Все ценности, что имели денежную силу, поверглись во тьму забвения.

Всё, что находится в руинах былой славы городов, все те жалкие остатки технического прогресса, стали безумно дорогим, нет, бесценным раритетом. И это не картины и скульптуры, не драгоценности, все эти шедевры прошлой жизни бесполезный и непригодный хлам. Но хорошая одежда, обувь, посуда – вот, что действительно никогда не упадет в «цене» обмена.

А парфюмерия? Ты себе не представляешь, насколько вонюч новый мир! Ведь никто, как прежде не моется столь часто. Из обихода пропали шампуни, а мыло весьма дефицитная вещь, за неимением которого люди используют мыльный корень.

Есть у меня несколько знакомцев в разных местностях, к которым я люблю порой навещать в гости. Всякий раз с собой приношу в объёмистой торбе небольшие гостинцы из прошлого, чем вызываю постоянное удивление и искреннюю благодарность. Мне-то не тяжело захватить с собой кусок душистого мыла или банку цейлонского чая, а иной раз и флакон ароматных духов. Просто приятно, незнакомец, что эти мелочи, привычные каждому человеку моей эпохи, приносят моим знакомым столько радости и ценны для них в той мере, в какой они и должны быть. А иной раз меня называют в шутку охотником за редкостями или богачкой. Я не обижаюсь, это лишь слова, к тому же частично они соответствуют той правде.

Все мы богачи, пока не пришёл Судный День и не отнял у нас все те богатства, которые мы воспринимаем как должное. Наша слепота, взросшая из самоуверенности, что вода так и будет течь из крана, огонь гореть в газовой конфорке, а электричество снабжать дома светом и питать нужную нам технику, эта наша слепая самоуверенность в неиссякаемости простых и доступных ресурсов, сделала нас больными и убогими, она парализовала нас. И никто не задумывается, даже ты мой незнакомый читатель, что всему всегда есть конец, раз было и начало.

Всё до поры до времени. Уж я-то знаю.

Пон. future

А я не упоминала о книгах? Нет? Они практически исчезли. Их бездумно сжигали в городах, когда пришли первые холода в Новый Мир будущего, ведь больше не существовало тех привычных источников тепла, что согревали каждый дом. Те немногие книги, что уцелели,

стали каплями в море людского хаоса. Выживание оттеснило знания, бессильные и бесполезные в постапокалипсис, на самое последнее тёмное место. В глухой дальний угол.

Но не всё утратилось, и в новой эре появились люди, именуемые Охотниками за фолиантом. Зная истинную цену бумаге, которой практически не осталось на планете, а также письму, исчезающему с порядочной скоростью, эти люди рыскают, словно лисы, среди руин домов, отыскивая и изымая из мёртвых тел городов их последние летописи.

Я тоже не брезгую такими походами, книжки моя слабость в некотором роде, а книги будущего тем паче. Как я упоминала ранее – я коллекционер.

Месяца два назад нашла один книжный магазин, вернее, то, что от него осталось. Само по себе это место казалось заброшенным и нетронутым достаточно долгий период времени, и у меня затеплилась надежда разыскать нечто стоящее для своей коллекции. Книг не осталось, только разбросанные в хаосе валявшихся разбитых шкафов и полок под толстым настом пыли и песка пожелтевшие и поблекшие страницы, вырванные из разных изданий. Но если повезёт, то среди этого мусора и беспорядка, можно откопать уцелевшую крупницу прошлого, и неважно кто автор и на каком языке написана рукопись, это уже чудо, что издание дождалось тебя и не попало кому-то другому в руки.

Единственным достойным декором брошенного помещения была чёрная от налета пыли паутина, распластавшаяся по всем углам и потолку. Она жадными многочисленными щупальцами облепила стены и, сползая до самого пола, покрытого щедрой смесью песка, старой бумаги, ошметков обвалившейся штукатурки и кирпича, тянулась к центру, алча довершить свой многолетний захват территории.

Вот так я нашла ту книжку, которая в «моём настоящем» только должна была поступить в тираж. Это сокровище покоилось под одним из увесистых обломков книжного шкафа, и по счастливой случайности дождалась моего прихода сюда во вполне приличной форме. Я стояла и бережно перебирала в руках пожелтевшую и пропахшую плесенью и сыростью книжную бумагу, протирала от заскорузлого налета въевшейся пыли название на глянцевой когда-то обложке, а теперь мутной, пузырившейся и разбухшей.

И так я познакомилась с ним, Охотником за фолиантом. Он подошёл сзади тихо, крадучись, и я бы проворонила его, если бы не высохший от времени до хрупкости одинокий лист, попавший под его ботинок.

Охотники, кстати, бывают довольно непредсказуемы и опасны, среди них часто попадаются настоящие головоломы, и тот, что стоял за моей спиной, мог оказаться из их числа.

– Что может быть печальней грустного шута и что смешнее жалкого паяца? – Ироничный голос за моей спиной; тот, кому он принадлежал, уже не видел причины продолжать таиться.

Когда я повернулась, то встретила с взглядом васильковых глаз, оценивающих, с хитрым прищуром, но при всём при этом пристально следивших за каждым моим движением.

Небрежная улыбка на потемневшем от солнца лице, растянула тонкие обветренные губы, выставляя напоказ на удивление белые зубы. Это первое, что отпечталось в моей памяти о нём.

– Удачный ныне улов, сударыня? – Охотник бросил краткий взгляд на книгу в моих руках и снова продолжил сверлить меня взглядом.

– Надеюсь, что удачный. – Я в тот момент ещё не знала, кто он и чего от него ожидать, а посему стояла на том же месте и мысленно рассчитывала пути к отступлению в случае осложнения переговоров.

– Дайте мне взглянуть, я вам точно скажу. – Он медленно протянул руку, кисть обтягивала чёрная кожаная митенка. – Да не бойтесь, верну я вам её, я не вор.

– Вы Охотник за фолиантом, ведь так? – Я решила потянуть время, как знать, он мог быть и не один, на улице его могли ожидать поделщики, хотя подобные люди промышляют чаще в одиночку.

– Можно и так сказать. Вас это видимо смущает? – Он присел на корточки и подобрал с пола пожелтевший книжный лист. – Я бы назвал себя иначе.

– И как же?

– Мне более приятно зваться Собирателем книжных душ. – Он понюхал лист. Затем из брезентовой сумки, на его плече висевшей наперевес, он вытащил потёртую, пухлую, кожаную папку, куда и вложил аккуратно страницу, пополнив и без того обильное содержимое.

– А что вы делаете со всем, что находите? – Моё любопытство брало надо мной верх, да и очарование незнакомца тоже.

– Не поверите, ничего. – Он улыбнулся просто, добродушно, чуть снисходительно.

– Но вы же ищете для чего-то все эти страницы и книги. Значит, есть причина. – Этот интриган полностью овладел моим вниманием.

– Согласен, причина всегда должна быть. Но быть может, все эти книги выбрали меня, может они зовут меня и хотят попасть именно ко мне в руки. – Теперь Охотник стоял, облокотившись о стену спиной и лениво потянувшись, смотрел в кирпичную дыру напротив, что некогда была окном.

– То есть вы избранный книгами? Но для чего? Только для спасения и сохранения? – я не отставала.

– Вот именно. Вы правильно догадались, сударыня, для сохранения. Иначе те, кто живёт по ту сторону, – он указал на стену дома, – рискуют потерять самое ценное, что было и пока ещё есть у человечества. Без книг пропадёт письмо, а без письма канет в небытие культура. Хотя мне сдаётся, что это уже произошло.

– Посмотрите её. – Я протянула ему найденную книгу.

Он осторожно перенял её, провёл кончиками пальцев по обложке, раскрыл бумажное нутро и всё с той же предосторожностью переворачивал страницы. Было в этих движениях нечто благоговейное и трогательное, такое уважение к книге в моё время можно встретить лишь в музее или в библиотечном отделе редких изданий.

– Вам попался весьма хороший экземпляр, вам повезло. Обложка немного пострадала, но начинка в весьма хорошей форме. – Он с почтением передал мне книгу обратно. – А как зовут вашего спутника?

Я и забыла, что всё это время Феликс беззаботно сидел на моём плече, я частенько позволяю ему со мной путешествовать и сидеть на руках, если никого нет поблизости.

– Это Феликс.

– Забавный у вас друг. Хотя удобно, наверное, шума от него нет, корма много не просит, да и не бегаёт шибко быстро. – Снова ирония в его голосе.

– Вы правы, но меня он вполне устраивает.

– Простите меня великодушно, не хотел вас обидеть и тем более вашего друга. – Он сделал серьёзное лицо, но глаза-то смеялись!

– Я и не думала обижаться. – И в правду на эти глаза трудно обидеться.

– Вот и славно. Мне тут делать уже нечего, вы собрали достойный урожай. – Он направился к выходу. – Был рад знакомству с ещё одним Собирателем.

– Постойте. – Уж не знаю, почему я тогда так поступила, наверное, эти глаза на меня так повлияли.

– Что-то не так, сударыня? – Его высокий силуэт застыл в шаге от дверного проёма.

– Возьмите эту книгу на сохранение. – Я снова протянула ему потрёпанное издание.

– Но оно ваше и по праву.

– Я ещё найду. А у вас она будет в надежных руках, я это вижу. Эта книга вас сюда призвала, так возьмите же её.

Он посмотрел тогда на меня с пониманием, и как мне показалось с благодарностью, перебирая эту кучу литературы, так нужную этому обездоленному миру.

– А я не ошибся, вы Собиратель книжных душ. Да пребудет свет с вами и вашим маленьким другом, сударыня. – Он учтиво поклонился, а книга скрылась в закромах его сумки.

– Как вас зовут? – Мне так не хотелось его отпускать.

– Вы же знаете. – Он уже спускался с пыльных битых ступеней на улицу.

– Как ваше настоящее имя?

– Я вам его раскрою, если судьба нас снова сведет на каких-нибудь развалинах.

И он ушёл неторопливым шагом, растворяясь в пустых улицах, высокий, одетый в потёртые джинсы, кожаную штопаную куртку и с бейсболкой на голове, повёрнутой козырьком назад, из-под которой торчали пряди светлых волос. А перекинутая через плечо брезентовая торба плотно прилегала к бедру, и рука заботливо придерживала сумку, оберегая покой её содержимого.

Именно таким я его и запомнила в первый раз, одинокого искателя приключений, окутанного слоем дорожной пыли, как и те рукописи, которые он подбирал. С такими людьми судьба единожды не сводит.

Суб. past

Исчезновение вещей в домах, что здесь интересного на первый взгляд? Ничего. Но с другой стороны: как и куда они исчезают?

С полной уверенностью могу предложить, что каждый человек в своей жизни хотя бы раз, да не смог найти нужную ему вещь в своём доме. К примеру, собирается некий господин Х. в гости, вешает пиджак в коридоре на вешалку и отлучается на минуту. Приходя обратно, он не обнаруживает пиджака на месте, причём, что характерно, никто посторонний даже не дотрагивался до злополучной вещи, потому как никого и не было в коридоре на момент пропажи. Затем господин Х. выходит из коридора и возвращается туда через некоторое время. И, что же, пиджак невозмутимо висит на вешалке, как ни в чём не бывало, а все домочадцы, которые всё время пребывали в комнате вместе с господином Х., удивленно пожимают плечами. Странно.

А сколько подобных случаев происходит каждый день с любимыми носками, шапками, ручками, косметикой и другими вещами?

Кто-то валит эти исчезновения на чёрта или домового («Чёрт, чёрт поиграл, а теперь отдай!»), кто-то думает, что переставил или переложил вещь, не помня об этом. И то и другое имеет под собой определенную почву. Но есть третий, малоизвестный вариант объяснения происшедшим событиям.

Однажды одна моя знакомая не могла найти мешок с варежками полгода. Нашла она его на том же месте, где и оставляла в последний раз. За всё время пропажи она искала мешок везде и на том месте неоднократно. Спрашивается: куда исчезал мешок и почему на такое долгое время?

Про параллельные миры не слышал только ленивый или глухой. Верят же в эти миры единицы, но если ты относишься к ним, то сможешь насколько это возможно представить себе следующее.

В определённом пространстве существуют определённые места, которые являются дверями в иной мир или миры. К примеру, ты положил шариковую ручку на стол и удалился из помещения на некоторое время, а возвратившись, ручки не обнаружил. Предполагаю, что в конкретный момент времени именно на том месте, где была оставлена ручка, открылись двери в иное измерение, и предмет исчез в нём. Но время в другом пространстве течёт совершенно непредсказуемо, и по каким-то причинам ручка все-таки возвращается на своё или иное другое место через определенный промежуток времени, а двери закрываются. И ты с удивлением обнаруживаешь утерянную ручку на месте. Чушь-чушь, но объяснить это как-либо иначе просто невозможно, хотя можно просто свалить это на проклятый склероз.

Иногда рисунок вспыхивает в моих глазах так четко, а воображение представляет объем всего происходящего до такой степени реальности, что не верить в это просто глупо.

А как часто такое происходит с нами: вещи теряются и находятся. А иногда пропадают бесследно. Но, может быть, они когда-нибудь вернутся обратно, ведь время бесконечно, в отличие от людей и двери могут открыться, где угодно, когда угодно и для кого угодно.

Пям. future

Он всегда мне встречался, в любом временном отрезке. Нет, внешность была каждый раз иная, но неизменным оставался взгляд ребячливых глаз, да лучистая улыбка прямо таки изливающая на всё вокруг живой оптимизм и щедрое тепло. И каждый раз я попадала и попадаю на эту удочку, каждый чёртов раз, как с ним встречусь. А он? В одних случаях, он как безумный романтик пытается меня склонить на свою сторону бытия, в других цинично втоптать в дно своей жизни, ну, бывают и такие редкие моменты, когда ему от меня ничего не нужно, и он проходит мимо. Но это лишь до поры, до времени.

Помнишь, я упоминала про того Охотника за фолиантом? Так вот, у него именно такие глаза. Ты, скорее всего, подумал, что я доверчивая дуручка, отдала ту книгу просто так незнакомцу, поверила безосновательно.

Ну да, доказательств его чистых помыслов у меня нет, но мне они и не нужны. Порой они и не требуются вовсе. Как бы ни был хитер и коварен человек, но его глаза выдадут его внимательному и проницательному собеседнику. А моя специфика жизни отшлифовала внутренний сенсор до совершенства.

Он не врал, я это видела, чувствовала, знала. Да и не шибко-то я чем-то рисковала. Не забывай, я же наблюдатель, и мне не положено вмешиваться в ход истории. А в тот день именно ему суждено было отыскать ту злосчастную книгу, просто я туда раньше его наведальась и опередила.

Всё должно идти так, как должно – первый негласный закон моей касты. А ещё есть второй не менее важный – если судьба позволит повториться одному и тому же дважды, значит, тебе дается шанс довершить то, что ты не закончил в начале.

Та встреча была отнюдь не случайной, как мне тогда показалось, и конечно, наша встреча повторилась. Но об этом в другой раз. Читая всё это и смотря моими глазами на людей и окружающий мир в этой рукописи, подумай, а может и тебе судьба даёт второй шанс всё почувствовать иначе. Ведь мы могли уже где-то с тобой, мой незнакомый чтец, встречаться, общаться или пройти мимо друг друга. Но то, что именно тебе попал в руки мой дневник уж точно не случайность. Подумай.

Чем. past

Проснулась от кошмара под утро, руки до сих пор трясутся. Не могу вспомнить всю суть этого сна, он растворяется слишком быстро, туман не растягивается с такой скоростью, как это сновидение. На поверхности памяти проявляется лишь взгляд, безумно меня испугавший до немого крика, застрявшего в горле, да влажная подушка единственный свидетель пережитого мною кошмара, утрюмо лежит в не заправленной кровати, к которой мне ещё не особо хочется подходить.

Это глупо, но мне кажется, что прикоснусь я к простыне или одеялу, кошмар вновь повторится, и я снова увижу эти глаза. А я их боюсь! Эти волчьи холодные глаза, переполненные злобой ко всему живому, ко всему, что дышит. От этого кровожадного взгляда у меня волосы дыбом и мурашки по всему телу, мне сразу становится нечем дышать, во рту всё пересыхает и тело мёрзнет.

Эти глаза несут в себе вечную зиму, неотвратимую смерть, близкий конец. Это его глаза. Волк меня не забыл, о нет! Он ищет меня во снах, а когда найдет, то сможет добраться и отомстить за то вмешательство.

Ср. past

Была на очередной лекции уважаемого мною «профессора» Кливленда Вайсмана. Одно удовольствие посещать его занятия. Хотя я давно окончила университет, но вполне могу позволить себе иногда наведываться на интересующие меня курсы предметов. У мистера Вайсмана особый дар, помимо того, что он преподаватель, он доносит до слушателя простые истины и рассказывает истории так, что хочется его слушать бесконечно.

Конечно же, он на лекции преподносит тот формат науки, которая и требуется от него, однако, он позволяет себе некоторые вольные отступления от учебной программы, так называемые «островки», в которых и наступает самое интересное для каждого, кто присутствует на его занятиях. И уж поверь, на таких «островках» никто не дремлет и не отвлекается, потому что есть что послушать. Этот преподаватель математики негласно получил от студентов звание «профессора», хотя не является таковым и стал любимцем практически всех учащихся в этих стенах за последние лет десять.

Хочу поделиться с тобой, незнакомец, сегодняшним «островком», затронувшим остро каждого присутствовавшего студента, думаю, ты меня поймешь.

– Что вы знаете о любви? – Этот вопрос прозвучал столь неожиданно из уст этого сухонького старичка, только что писавшего сложную формулу мелом на доске, что не сразу последовал и ответ.

– Любовь – это ловушка, подстроенная жизнью, из которой добровольно никто не желает выходить, увязая в ней с наслаждением, – откликнулся один студент.

– Красиво, но пафосно. Это говорит о том, что вы ни черта не понимаете. – Мистер Вайсман вдруг, как обвинитель на суде, рьяно накинулся на аудиторию. – Что вы знаете о любви? Вы, молодежь, меняющая, словно одноразовые бумажные платки, партнёров из-за материальных проблем, неудовлетворённости в постели или из развратности и алчности вашей ненасытной утробы! Что, скажите мне, что вы чувствуете, когда он или она рядом вам шепчут на ухо? Восторг? Негу? А вы знаете смысл этих слов? Вряд ли! Вы по маковку утонули в материальности ваших потребностей! Зачем вслушиваться в слова близкого человека и пытаться решить общую проблему, а проблема всегда одна на двоих, когда можно её просто задвинуть в тёмный угол и терпеть, терпеть, ища временное утешение на стороне или, отрешившись от всего уйти в себя и сделаться вдобавок депрессивным и унылым калекой.

А я вам скажу, что такое любовь, хоть я и стар, а по вашим меркам и немощен, но я ещё помню и в таких красках, в каких вам никогда не постичь.

Тогда я был, как и вы юн, но до сих пор помню, что чувствовал, когда она, любовь всей моей жизни, моя незабвенная Вероника, доверчиво прижалась ко мне в парке, где мы гуляли одним погожим весенним вечером. Тепло её гибкого и стройного тела передалось мне огненным жаром, но я боялся коснуться и оскорбить её своим объятием. Мне тогда казалось, что я чудовищно неуклюж и груб для такого небесного создания.

А она, словно чувствуя власть надо мною, поднялась на цыпочки и чувственно зашептала. Слов разобрать я не мог, но достаточно было медового тембра и сладкого елея, струящихся из уст этой девушки. Сначала её голос ласково дотронулся до мочки моего уха, отчего мурашки пробежали по всему телу. Затем скользя по ушной раковине, мелодия шёпота вливалась в мою разгоряченную голову, опутывая мой бедный мозг. И чем тише становился её голос, тем

проникновеннее был он для меня, пока вконец не затопил изнутри тем светом, которым была переполнена она сама, моя Вероника.

И не было большего наслаждения и томления, чем стоять вот так просто и ощущать ритм её сердца на своей груди и слышать её милый голосок, кивая в ответ. И ничто на свете, слышите, ничто не стоит того, чтобы променять вот это на сиюминутные утехи и потерять навсегда то истинное счастье, ту настоящую любовь взамен липовых страстей.

– И что, вы женились на ней и прожили вместе всю жизнь? – с вызовом и некоторой долей наглости выкрикнул, кажется, тот же студент.

– К сожалению нет.

– Так откуда вам знать, что вы любили, и та девушка была той самой вашей истинной любовью, а не больше или меньше увлечением? – не унимался вконец осмелевший голос.

– Может вы и правы, молодой человек. Женись я на Веронике и проживи мы с ней лет пятьдесят, то возможно оба стали занудными сварливыми стариками, а может и разбежались бы в разные стороны. Но этого, увы, мне не дано было постичь и тем более узнать

– Почему? Она вас не любила?

– Нет, она меня любила, я это знал. Это не надо было доказывать или демонстрировать. Это было видно в её небесных глазах.

– Так в чём тогда дело, профессор? – студент сделал очередной заносчивый выпад.

– Как я говорил, я мог бы прожить целую жизнь с этой девушкой, но судьба распорядилась иначе. На другой день мы условились встретиться в том же парке и в то же время. Я ждал, но она не пришла. Лишь позже узнал я, что она спешила и, боясь опоздать, перебежала улицу, где её сбил один лихач, не успевший вовремя сбросить скорость. Она умерла мгновенно. И это лишь отчасти утешает меня. Я до сих пор думаю, что если бы она чуть припозднилась, чуть позже вышла на эту треклятую улицу, то была бы жива, и всё могло быть совсем по-другому.

В аудитории повисло неловкое молчание, но старик, не замечая никого и ничего вокруг, погружался все глубже в воспоминания.

– А знаете, я до сих пор её помню очень отчётливо. И после нескольких неудачных попыток забыть в других женщинах, я осознал, что ни один самый мелодичный и волшебный женский голос никогда не заменит мне её воздушного бархатистого с медовой нотой шёпота. Ибо в каждой я пытался с отчаянием утопающего услышать родной и незабвенный голос, в каждой искал её небесные черты. И приняв свою потерю окончательной, я более не рассматривал иных вариантов, потому как любая копия ничтожна в сравнении с оригиналом.

– И вы всю жизнь прожили один? И у вас нет детей? – ахнула сидевшая рядом с выскочкой ошеломлённая девушка.

– Я не хотел детей от кого бы то ни было кроме Вероники. Это было бы предательством по отношению к ней, к памяти о нашей любви.

– Вы утопический романтик, профессор, – выдавил нагловатый голос уже без тени заносчивости, но с уважением и состраданием.

– Наверное, а ещё и старик, – усмехнулся Вайсман. – Но знаете, о чём я до сих пор больше всего жалею. О том, что не запомнил тех слов, что шептала мне на ухо тем вечером моя Вероника, о том, что не осмелился поцеловать её. Ведь тогда бы со мной все эти долгие годы жил её поцелуй, согревая и облегчая вину, что я живу, а она нет. И корю себя в том, что не сказал ей тогда, как сильно люблю и как она мне дорога.

До конца занятия аудитория пребывала в немом и тягостном молчании. Студенты нервно переглядывались и отводили глаза друг от друга, задумавшись над словами учителя, а у испитанной формулами доски сидел одинокий старик и грустно улыбался в полузабытьё своих юношеских воспоминаний. А мне даже причудилось на мгновение, что рядом с ним стояла юная девушка и, наклонившись, она что-то ему шептала.

Воск. future

Сегодня произошло нечто невообразимое настолько, что я до сих пор не могу в это поверить! Ах да, всё по порядку.

Я иногда хожу купаться одна на небольшое, но крайне удалённое озеро, благо расстояние мне не помеха. Забыла упомянуть, что на дворе нынче август, зной, жара и всё такое. Одной скучно купаться, но когда ты находишься далеко от людей, наедине с природой, то скука стирается в мгновение ока, всё естество будоражит заброшенность и некоторая девственность уголка нетронутого человеком мира.

Да-да, откуда ж мне найти в наше-то время место, куда ещё не дотянулась людская ручонка? Не забывай, мой недоверчивый ттец, для наблюдателя нет таких проблем, как для современного тебя. А порой нетронутое и неизведанное лежит прямо перед твоим носом, но сокрыто от твоих глаз матушкой-природой, дабы сохранить хотя бы крупицу чистоты на самый чёрный день.

Сегодня жара была совсем невыносима, и я выбралась к озерку прохлады на час другой, чтобы охладиться и забыться немного. Вода в этом водоёме настолько чиста и прозрачна, что дно просматривается на много метров, каждый камушек, каждая рыбёшка, каждая травинка видны настолько отчетливо и близко, что, кажется, протяни руку, и ты дотронешься до них. Но это слишком обманчиво. Мне нравится купаться здесь нагишом – никто не видит, кроме насекомых, мирно реющих над водной поверхностью, травы, окольцевавшей и огородившей водяной островок от всего мира, да любопытных рыбёшек, снующих группками туда-сюда. Здесь я сливаюсь с гармонией, здесь я становлюсь самой собой и не раздваиваюсь.

Феликса я тоже с собой беру сюда, выпускаю погулять по сочным зелёным долинам бережка. Конечно, риск потерять его всегда есть, но он никогда не убегает далеко, я же говорила, что он очень преданный друг.

Вот и сегодня мы с ним наслаждались отдыхом от времени, от города, от людей. Он лакомился сладкой мокрицей в тени кустарниковой листвы, а я, освободившись от одежды, плескалась в приятной прогретой солнцем воде.

В какой-то момент мне захотелось нырнуть, то ли от нахлынувшего приступа счастья, вызванного солнечными бликами по водной ряби, то ли забавы ради. Иногда, когда меня накрывает в воде острое состояние безумного веселья, я начинаю вертеться в воде волчком. Это такое непередаваемое наслаждение сумасшествием из смеси тёплых брызг, пеленающих с ног до головы и детской радости, которое я не могу по многим причинам позволить себе в людном месте.

Сделав вдох побольше и зажмурив глаза, я погрузилась под воду. Стопы ощущали более холодный слой воды, но меня это только подстёгивало, и я ещё немножко позволила себе опуститься глубже. Мне показалось, что я коснулась кончиками пальцев самого дна и уже хотела оттолкнуться и воспарить обратно к свету и дребезжавшему озёрному потолку, как вдруг зыбкий ил подо мной стал уходить, закручиваться, засасывая и меня заодно.

Паника не сразу завладела мною, я еще пыталась вытолкнуть своё тело из воронки, расширявшейся всё больше и больше. И в какую-то молниеносную долю секунды я поняла, что сил мне не хватит и что водоворот поглотит меня окончательно. Наступила последняя стадия моей борьбы – расслабление и принятие факта гибели, как неизбежности. По сути, я сдалась и рассчитывала на быстрый конец.

Тело моё вертелось волчком, но в этот раз мне это не доставляло никакой радости, воздух закончился в моих легких, и меня разрывало изнутри, а снаружи сдавливало с немыслимым давлением. На мгновение всё остановилось и застыло, а затем я резко полетела вверх. Прорвав водный край, я пулей вылетела на несколько метров, как мне казалось метров на сто, и плюхнулась обратно в воду.

Я была жива! Не верилось, что каким-то невероятным чудом мне удалось спастись из той бешеной воронки. Не сразу я опомнилась, всё никак не могла надышаться воздухом, ставшим настолько драгоценным за несколько последних секунд. И не сразу заметила изменения, произошедшие с озерком и местностью вокруг.

Водоём стал шире в несколько раз и берег близкий ранее, теперь едва виднелся в поле моего зрения, а озерная поверхность была сплошь усеяна цветами водяной лилии, широченные листья которых накрывали водный край, образуя затейливый ковёр с мерцающими прорехами.

Вот тут-то мне и стало не по себе. Я вспомнила про Феликса и в отчаянии завертелась в разные стороны, пытаюсь сообразить, где он может быть и не грозит ли ему опасность. Тогда я вообразила, что нечаянно переместилась в другой промежуток времени, но такое могло со мной произойти раньше, когда я была неопытна, теперь же время мне было полностью подконтрольно и таких случайностей в принципе не могло случиться.

О своей безопасности я вспомнила, когда моей ноги прикоснулось нечто холодное шершавое и живое. Вспышка адреналина и шок от того, что подо мной плавает невесть что, ввергла меня сперва в ступор, а затем направила к полоске берега. Плыть было совершенно неудобно из-за листьев, мешавшихся под руками и ногами. Их стебли так и норовили опутать мои конечности, а порой и шею, лишь бы не дать мне пройти и пару метров.

Снова подо мной нечто пронеслось, на этот раз я ощутила лишь вибрацию воды от движения неведомого существа, но этого было достаточно, чтобы продолжить борьбу с лилиями за свою жизнь. Солнце уже сидело на горизонте и в какие-то ближайшие полчаса грозило лишить меня берега, а значит и спасения.

Знаю, мой чтец, ты сейчас задаёшься вопросом, а почему я просто не перенеслась в своё время, раз обладаю такой способностью? Что ж отвечаю – есть такие участки времени, они называются «ловушками», попав в них, наблюдатель не может самостоятельно без посторонней помощи выбраться, потому как его сила там не работает по каким-то причинам. Немало нашего брата подобным образом пропало бесследно, но всё-таки случалось, что некоторым удавалось выбраться из западни.

Вот и я угодила как раз в такую ловушку и в ближайшее время мне грозили два варианта смерти: либо утонуть от бессилия в борьбе с темнотой и листьями лилий, либо быть съеденной подводным монстром. Ни то, ни другое меня, естественно, не устраивало, и я все-таки надеялась уцелеть в этой передрыге.

В тающих сумерках я различила рябь на поверхности, листья дрожали и выгибались под чьим-то телом, наворачивающим круги вокруг меня. Сомнений не осталось – меня взяли на прицел, и в любую секунду следовало ожидать нападения. Прав тот, кто сказал – ожидание смерти, хуже самой смерти.

В метрах пяти от меня справа из листьев вынырнула, а затем немного возвысилась змеиная голова, огромная размером с кухонную столешницу. И уставилась на меня огромными немигающими, но по-человечьи схожими глазами. Если голова так велика, то каким же должно было быть тело у этой гигантской змеи или бог его знает кого?!

Голова нырнула в ковёр зелени, оставив на поверхности перекатывающееся зеленое чешуйчатое тело, на мой взгляд, по толщине со ствол дерева.

«Такая проглотит и не заметит, что именно проглотила» – С ужасом тогда у меня пронеслось в голове.

«Обижаешь, дитя, я всегда чувствую, что ем. – Отчеканилось у меня в голове, что лишь добавило ужаса. – Уж прости, дитя, не хотел тебя напугать и тем более тобой трапезничать. Но ты, кажется, попала в беду, а помощь тебе некому оказать»

Эта змея со мной разговаривала! Но не обычным способом, а телепатическим.

«Кто ты, дитя? Я тебя впервые здесь наблюдаю. Сюда нет ходу обычным людям» – Змея вновь высунула голову из воды и неотрывно смотрела мне в глаза.

«Это вы... ты мне?» – Я ещё не верила, что это существо разговаривает со мною и не рассматривает меня в качестве ужина.

«Конечно тебе, не с лилиями же мне общаться, хотя они тоже могут многое поведать» – В этом голосе в моей голове уже сквозила ирония, змея со мной шутила.

«И ты меня не собираешься есть?»

«Уволь, дитя, я не ем людей, они безвкусны и отвратительны. Мне по душе более разговоры с ними и то не со всеми» – Диалог складывался меж нами исключительно мысленно.

«Так кто ты, дитя, и как здесь оказалась?» – Змей сделал небольшой круг вокруг меня, не погружая голову в воду на этот раз.

«Я наблюдатель, если тебе это о чём-то говорит. Попала сюда случайно, купалась, и меня затянуло в водоворот», – ответила я, но глаз с него не сводила.

«Это многое объясняет. А водоворот не случаен, случайностей не бывает вовсе. Тебе нужно было сюда попасть, очевидно, для встречи со мною»

«А кто ты?» – Я уже с трудом держалась, руки онемели, да и дневной свет практически померк, лишь Луна теперь тускло освещала меня и моего собеседника.

«Я из великой и высокоразвитой цивилизации нагов, могущественных Змеев, повелителей времени и пространства. Мой народ претерпевает вражду с людской расой уже многие тысячелетия»

«Но я впервые слышу о твоём народе»

«Дитя, я не о твоём мире говорю, я, как и ты, путешественник, и тоже люблю отдыхать от суеты вдали цивилизаций. А это место меня притягивает первородностью и единением с тишиной. Здесь нет людей, что пытаются стереть мой народ с лица земли, нет той глупой ненависти, здесь покой»

«Хоть я из другого мира, но прекрасно понимаю твою тягу к такому тихому местечку. А могу я узнать твоё имя? Просто так мне проще будет тебя воспринимать, да и обращаться тоже», – сказала я, а в голове промелькнуло: ещё немного и я пойду ко дну, сил уже не осталось.

«Моё имя древнее твоего мира, дитя, ты не сможешь его воспринять, но можешь меня помнить под названием, которое змеиную народу дали люди моего мира. Называй меня Наг» – Его глаза закрылись, а голова будто бы склонилась в поклоне.

«А меня зовут Лиза. Там на берегу меня ждет мой друг Феликс, он улитка и я беспокоюсь за него. Уже темно. А он там один»

«Он не на берегу, Лиза» – Змей как-то странно смотрел на меня.

«То есть как не на берегу?! Где же ему быть и откуда тебе это известно?»

«Потрогай макушку головы, дитя, и ты сразу всё поймешь»

Бегло проведя пальцами правой руки по голове, я нащупала завитушку раковины и распластавшегося под ней Феликса. Этот проказник оказывается, всё время был со мной и даже не сдвинулся, чтобы себя обнаружить!

«Но как?!»

«Видимо, он не пожелал тебя оставить, и последовал сюда. У тебя очень преданный друг, хоть и улитка»

«О да, этот парнишка ещё тот крендель. Жаль, что он не может со мной общаться также как, и ты, Наг» – Мне стало заметно легче и даже весело.

«Он тебе посылает импульсы, этого достаточно»

Мои ноги ощутили мускулистое шершавое тело змея, он пытался поддерживать меня на поверхности воды, заметив, что я уже практически не держусь.

«Благодарю тебя, но так долго мне не продержаться, не будешь же ты меня так постоянно удерживать. Ты тоже устанешь»

«Я могу вас обоих доставить на тот берег, но он вам будет чужд. Это не ваша эпоха, не ваше время»

«Ты мне сейчас напоминаешь одного человека, пожилого преподавателя математики. Очень достойный и интересный собеседник»

«Для меня честь быть приравненным учителю, ибо это самая высокая ступень, которой достигает человек, а также и змей»

«Он бы тебе понравился. Это поистине светлый разум»

«Он достаточно много места занял в твоей памяти. Даже сейчас твои воспоминания стремятся к нему. Это уже говорит о том, как он необычен для простого человека»

«Все воспоминания, что таятся в закоулках нашего разума, абсолютно все, важны для нас. Даже, если порой на поверхность проступают незначительные и, казалось бы, пустые памятные события и моменты, даже они нужны нам, ибо всё ненужное никогда не привяжется и не застрянет сорным мусором в таком совершенном сосуде разума, как мозг. Он так продуман Создателем и так устроен, что любая мельчайшая частица, прикоснувшаяся к нему, мгновенно становится его частью, либо уничтожается навсегда за ненадобностью, как стирается след на песке водой. Это настолько гениально и настолько просто, что попросту незаметно» – Выдала моя память одну из «лекций» профессора Вайсмана.

«Это слова того почтенного старца, как я понял?»

«Да, это его слова. И их чрезвычайно много»

«Тебе повезло, Лиза, твой учитель один из лучших и немногих, кто отдаёт вместе со знаниями и часть своей души. Но ты права. Долго вам тут не продержаться, я помогу вам вернуться в ваше время»

«Но каким образом ты это сделаешь?» – Мне не верилось, что из ловушки есть выход.

«Я же повелеваю временем и пространством. Вы сюда пришли через воронку и уйдёте с ее помощью»

Наг начал вращаться вокруг меня, наращивая скорость, и вода с лилиями вскоре забурлила и заходила ходуном, образовав огромный водоворот, рвавший растительность и увлекавший меня в своё нутро.

«Держись крепче и своего друга держи, как следует. Набери воздуха, скоро его не будет. Я вас перекину» – Пронеслось в моей голове вместе с оторванной копной цветов, мелькнувшей перед лицом.

«Спасибо, Наг. Ты мой спаситель. Я тебя не забуду. Спасибо!»

«Я тебя тоже не забуду, Лиза-наблюдатель, удачного пути тебе и твоему спутнику» – Были те последние слова, которые накрыла и сжала вода, когда водоворот захлопнулся.

Снова чудовищное давление воды и боль разъярённых легких. Ладонями я накрыла бедолагу Феликса, чтобы не потерять его. Нас обоих вновь вышвырнуло из воды, словно пробку из бутылки игристого вина. Повезло, мы мягко шмякнулись в тихую заводь нашего любимого озера. Всё было по-прежнему, солнышко также слепило от поверхности воды, также стрекотали цикады в траве, знакомый берег зеленел совсем близко. И никаких лилий. Я даже усмехнулась.

Мы с Феликсом выбрались из воды, к общему удовольствию, я оделась и, усадив улитку на плечо, попрощалась на сегодня с любимым озером. Я была убеждена – мы обязательно ещё вернёмся сюда и не раз, но что-то внутри подсказывало, здесь больше мне не будут грозить, ни водоворот, ни лилии с широкими листьями на длинных стеблях, и, конечно же, сам Наг. Хотя от встречи с ним, я бы не отказалась, и Феликс, думаю, тоже.

Vm. past

– А вы, почему не собираетесь, барышня? Решили наказать старика за его помпезные трели прошлому?

Помнишь, ту трогательную историю «профессора» Вайсмана? Когда занятие закончилось, все студенты поскорее собрались и смылись из аудитории, кажется, они тогда чувствовали некую вину и неловкость по отношению к пожилому преподавателю, а огромный провал в возрасте меж ними и их учителем только мешал и смущал эту молодежь.

Я осталась. До того момента я и не думала контактировать с Кливлендом, мне достаточно было сидеть в среднем ряду с краю у окна и получать удовольствие от его вразумительных речей. Но в тот день....

В тот день что-то щёлкнуло, этот старик своими проникновенными словами словно повернул рубильник внутри меня, и я решила с ним поговорить. Мне это было жизненно необходимо. Тогда я ещё не знала, что он тоже наблюдатель, но интуитивно догадывалась, что этот человек весьма неординарная и светлая личность.

– А вы, почему не собираетесь, барышня? Решили наказать старика за его помпезные трели прошлому? – Вот какими были его первые слова, обращенные ко мне, сидевшей в тот момент на своём любимом месте.

– Все нет, профессор, – ответила я, а мой голос размножился эхом в пустом зале аудитории, я уже спускалась к доске.

– Вы мне льстите, барышня. Я лишь скромный преподаватель, профессор у нас один и его зовут Максимилиан Грод. – Он встретил меня добродушной снисходительной улыбкой взрослого человека, видящего перед собой неразумное дитя.

– Да, мистер Вайсман, я в курсе, кто на кафедре носит это звание. Но лично для меня вы его заслуживаете больше.

– Так что у вас за вопрос ко мне? – Он засмутился, по-моему, и решил сменить тему. – Раз вы остались. Что-то непонятно по теме?

– Да нет, по теме всё понятно. Но я хотела бы поговорить с вами вне темы, если можно.

Теперь он выглядел ещё более озадаченным, складывал в свой старенький потрескавшийся от времени коричневый портфель помятые листы лекций, оставляя на кожаной поверхности сумки белые отпечатки – меловые следы учебной деятельности.

– Я право даже не имею понятия, о чём вы хотите со мною говорить и чем я мог вызвать интерес у вас мисс...?

– Лиза. – Я не люблю фамилий, это ограничивает восприятие человека, поэтому всегда по возможности обхожусь при знакомствах только именем.

– Фамилию вы мне не скажите, я правильно вас понял? – Теперь взгляд его чуть слезящихся в оправе морщин глаз выжидающе меня сверлил.

– Я думаю, что это лишне, да и я не ваша студентка. Я и не студентка вовсе. – Пришлось добавить, видя вопрос в глазах собеседника. – Мне нравится ваш предмет, и я прихожу в свободное время вас послушать.

– Это весьма странно, математика не столь популярна среди молодёжи. Уж я-то насмотрелся за годы под этой крышей на вашего брата студента. Ах да, вы не студентка. Так кто же вы?

– Считайте меня внештатной студенткой. И позвольте вас всё-таки звать профессором. Мне так привычнее.

– Но вы же собираетесь со мной говорить не о математике. Так чем же я вызвал интерес в столь юном создании? Право, мне любопытно.

– Ваши отстранения от предмета, они вызывают восхищение и цепляют за нутро, за самую сущность. Вы самый необычный преподаватель из всех, у кого я училась.

– Спасибо, конечно, за такие тёплые слова, уж не думал, что так могу волновать молодую голову. – Он захихикал, как мальчишка. – Просто я не люблю нудные лекции строго по корке книги. Молодежь любит всё необычное, её нужно привлекать чем-то экстра неординарным. А так, вкрапляя отстранённые темы в лекционную программу, вроде бы я добиваюсь своей цели – меня слушают и слышат.

– Эти ваши вкрапления, из-за них я, пожалуй, и хожу на лекции, да не только я, ручаюсь, что все только и приходят, чтобы услышать очередную историю, а получают откровение.

– Вы мне льстите, Лиза, люди всегда одинаковы, а природа у них такова, что требует в свою очередь новых историй, красочных рассказов.

– Вы правы, во все времена люди хотят историю, и не абы какую, а с большой буквы, с кровью и плотью. Как у вас сегодня.

Кливленд Вайсман задумчиво уставился на ручку портфеля, замусоленную мелом и возрастом. А вот следующее, что я услышала, меня испугало и обрадовало одновременно:

– Вы наблюдатель, Лиза. Одна из тринадцати сотен.

Это не был вопрос. Это был факт. Он знал! Но, как и откуда?!

– Как? – Я лишь кивнула в ответ, сказать что-либо я попросту не смогла.

– Просто, барышня. Я тоже из этого ордена. А свояк свояка видит издали. Не могу утверждать, что у меня внутри встроенный радар на распознавание «своих», но за долгие годы, прожитые в бесконечных скитаниях во времени, встречал я нашего брата, а посему научился доверять своей интуиции. Ведь поведение, взгляд и отношение к людям меняются по мере погружения в этот стихийный водоворот временной спирали. Вы не замечали такого за собой, Лиза? Кстати, не вы одна пренебрежительно относитесь к фамилии. Практически все наблюдатели откидывают её, это позволяет им слиться со временем максимально гармонично и не чувствовать конкретной привязки к своему родному дому.

Я была тогда потрясена прозорливостью и догадливостью этого сухонького чуть сутулившегося старичка, и лишь молча, кивала ему. Но как же мне хотелось, чтобы он говорил, говорил, не останавливался. Мне тогда казалось, что ещё немного, и он откроет мне некую истину, за которой я и приходила сюда пару раз в неделю.

– Мне очень жаль, Лиза, но, к сожалению, нашу беседу придется закончить на сегодня. У меня впереди ещё две пары, которые надо провести. – Он с деликатным сожалением смотрел то на меня, то на портфель, то на дверь аудитории.

– Конечно, профессор, я не собиралась вас задерживать, рада была с вами лично, наконец-то, поговорить.

– Мы ещё сможем с вами побеседовать на отвлеченные от математики темы. – Он мне ободряюще подмигнул. – Вы же не прекратите посещать мои лекции?

– Конечно же, нет.

– Вот и славно, барышня. Я подумаю, где удобнее нам с вами побеседовать, без риска быть услышанными. Вижу, что вам мало простого знакомства. Ваши глаза жаждут большего.

– Я не хочу вас напрягать. Мне достаточно просто сидеть здесь и слушать...

– Глупости! Никаких напрягов. Мне за удовольствие поболтать с таким же, как и я, наблюдателем. Это очень познавательно для нас обоих. Да и мне льстит внимание молодой девушки. Ох, Вероника, прости!

Он засмеялся и неожиданно помолодел, а я вдруг ясно и отчетливо представила, как он вот так же заливисто смеялся в те далекие дни юности со своей возлюбленной в том парке. Мне остро захотелось в тот парк, с этим человеком, прикоснуться к его молодости, к его энергии, к его жизни.

И на следующий раз мы условились встретиться в выходной для нас день, чтобы провести его в тени густо разбросанных деревьев городского парка.

III

Пон. past

Сегодня был один из чудесных и восхитительных дней – прогулка на велосипеде. Наконец-то я смогла выбраться за пределы городов и цивилизаций на последней неделе августа. Из-за перегруженного «графика» это становится осуществлять всё реже и реже.

Мой любимый велосипед, нет, «мой мальчик» – так я любя называю своего железного друга. А что? Водителям дозволено любить «ласточек», «девочек», а велосипедистам нет? Фигушки! Мой мальчик ничем не хуже любого авто. У нас полное взаимопонимание, гармоничное слияние в полёте. Пускай и звучит несколько интимно, но иначе наши взаимоотношения и не обозначить.

И сегодняшней денёк не стал исключением. Феликс невозмутимо сидел на моем плече, а я давила на педали, накручивая метраж по сухому и теплому асфальту дороги, уносящей нас троих все дальше за город в сторону леса.

Сосновые колоссы почтительно встретили нас по обе стороны трассы и с почтением покачивали иглистыми верхушками в знак одобрения, допуская и пропуская нас далее. Пограничный контроль между городом и природой был пройден.

Вскоре сосны поредели, и сквозь их стройные тела стала отчетливо проглядываться по правую сторону от меня волнистая линия берега, окаймлявшего одну из великих и многоводных рек, в память, которой было посвящено (и думаю, ещё немало будет посвящено) замечательных песен и стихов.

Слева выступила небольшая просека, потонувшая в сочном ассорти трав и цветов. Ещё пару лет назад здесь стояли всё те же сосны, так плотно, что практически упирались в полотно асфальта. Но жизнь распоряжается всегда неоднозначно и замысловато. Эти многолетние великаны были вырублены и пошли на строительство дачных домов, что росли теперь заместо деревьев рядом, по другую сторону дороги. Лишь посеребрившие невысокие пеньки, затерявшиеся среди зелени – единственное напоминание о прежних хозяевах этой земли.

А вот и закончилось владение сосен. Мы выехали в поле. Река осталась далеко справа, теперь в моё поле зрения попала зелёная бескрайняя долина, колымавшаяся от прикосновений ветра и перетекавшая крупной рябью цветов. Белое – розовое – фиолетовое – голубое. Глаза жадно всё это впитывали, все эти сочные цвета и оттенки, и казалось, эту жажду ничем не утолить. Живой цвет – это поистине ярчайшее зрелище для уставшего городского жителя.

Но всё это великолепие было бы неполным, если бы не небесное море, что простиралось во все края, скрадывая палящие лучи светила, но при этом ни на йоту не убавляя его солнечное сияние. Небесный простор был обложен пушистыми клоками ваты, отливавшей в серо-голубой палитре. Облака, будто срезанные чьей-то щедрой рукой, казались нежнейшим бее или взбитыми сливками, и крайне тяжело было оторвать от них взгляд, крутя педали и управляя послушным транспортом.

Каждый раз, когда я попадаю в эти места, кажусь себе частью живописного пейзажа, неким элементом, который попал в живую картину. Мне и легко, и радостно, и волнительно, и просто.

На глаза попало облако в виде сердца, но продержалось оно недолго и под порывом ветра, распалось на несколько облачков-крошек. После него мне предстала парочка: два лица-облака, мужское и женское, неумолимо сближались друг с другом, пока вконец не слились в небесном поцелуе, став единым целым. Кто-то в этом увидел бы знак, кто-то лишь игру воображения. Все по-своему правы. А я думаю, что человек видит то, что его переполняет изнутри. Если он влюблен, то на небе будет замечать любовные признаки, если же он расстроен, то и небо ему посочувствует грустным облачным рисунком.

Не могу ехать без музыки. Нет, вокруг чудесно, поют птицы, шелестят березы и шепчут травы. Сказочная музыка природы. Но я городской житель и мне нужна особая музыка. Поэтому всегда в такие прогулки беру с собой плеер с наушниками. Это особо ярко и специфично дополняет мой велопробег. Так как я по своей сути коллекционер, то и моя музыкальная

коллекция в проигрывателе весьма богатая и разносторонняя. Бок об бок соседствуют американский джаз, английский рок-н-ролл, французский шансон, итальянская эстрада, немецкий рок. В этом дружном братстве обитают и шедевры старинной классики вкупе с душевными зажигательными ритмами Сан-Паулу. И всё это так весьма удачно совпадает с пролетающими деревьями, травой и песочной обочиной...

Не веришь, теец? А ты попробуй. Оторви свою унылую повседневность от привычного комфортного кресла, возьми велосипед, да хотя бы напрокат, и вперед – в лес! Каждый человек, застрявший в плену города, должен хотя бы раз в неделю вычеркивать на несколько часов из своей жизни суету и гонор ежедневного существования. Нужна перезагрузка душе, чтобы не впадать в серое депрессивное состояние. А летом это жизненно необходимо, когда солнце прямо-таки изобилует своей щедростью и призывает выйти к нему на встречу из душных клеток зданий.

Мы сделали небольшой привал на одном травяном холмике, где я дала Феликсу возможность прогуляться и полакомиться здешней зеленью. А потом мы развернули нашего верного спутника и направили его обратно домой. И я любовалась пролетающим мимо бесконечным полотном, на котором рисовала живыми красками природа.

Снова мы въехали в тот самый пролесок, и вновь сосны нас встречали величаво и торжественно. На той дороге есть крутой поворот и поэтому за несколько сотен метров до него мне всегда казалось, что деревья смыкаются в плотную стену. Но грандиознее то, что наверху. Небо сузилось клином и закончилось острым углом прямо над той живой преградой. Этот лазурный клин был испещрён облачной ватой, разбросанной щедрой небесной рукой.

Когда лес остался позади, а впереди проявились творения рук людских – первые попавшиеся на глаза дома, то нас накрыло другое тёплое чувство – возвращение домой. И оно не меньше другого, что было с нами, когда мы были наедине с природой. Но оно иное, и мы уже другие, когда видим свой дом.

Этот день по праву вошёл в мою коллекцию памяти особой маленькой жемчужиной. И я дарю её тебе, незнакомец, я делюсь с тобой этим маленьким перламутровым счастьем, этим днём.

Ср. future

С недавних пор у меня в будущем появились друзья, которые каждый мой визит ждут с нетерпением, да и я, что скрывать, безмерно рада каждой нашей встрече. У наблюдателя по роду жизни крайне мало друзей, иногда и нет их вовсе. Поэтому дружба для нас столь ценна и важна, что храним и оберегаем её по возможности на протяжении всего положенного нам срока.

Анна и Пётр – вот моё бесценное приобретение в русле будущего. Сестра и брат, выросшие дикими семенами на одичалой почве постапокалипсиса. Два воробушка, осиротевших и обретших новый дом у дальней родни. Это не столь редкий, а скорее рядовой случай, по тому времени. Но тебя, незнакомец, наверное, интересует, как и почему моим вниманием завладели эти люди? Всё по порядку.

С интересными людьми я почему-то не просто знакомлюсь, я на них натываюсь, в буквальном смысле. И этот случай не стал исключением из общей закономерности.

Я прогуливалась в окрестности одного заброшенного городка, вернее того, что осталось от него. Руины домов давно потонули в дикой траве, под предводительством молодых деревьев и их младших братьев-кустарников. Центральная дорога бывшего города ещё проглядывалась под слоем нанесённого ветром песка, и я не спеша брела по ней, как всегда гонимая в поисках новых наблюдений.

Моё внимание привлёк один пустырь. Трава на нём росла, на мой взгляд, ярче, чем в других местах. В то время была пора раннего сентября, и всё зелёное в округе уже слегка потускнело и начало приобретать иные оттенки. А на этом пустыре время будто бы замерло, краски сочные, как в начале лета и даже сорная трава, облепившая плотно тот пятачок, была одинаковой высоты, как на газоне, только высоченная, по пояс, а то и до груди.

Вот тут-то я её и заметила. Яркий огненный одуванчик в самом центре растительности. Я замерла и следила за каждым движением этого необычного цветка. А Одуванчик шёл прямо ко мне. И лишь не дойдя всего несколько метров, вдруг резко остановился и тоже замер. Так мы стояли друг напротив друга и не осмеливались заговорить. Я всё-таки осмелилась нарушить тишину:

– Привет, не бойся, выходи. – И присела на корточки, чтобы не пугать своим ростом.

– Нет. Пети мне запретил подходить к взрослым, – ответил детский голосок, но вполне без страха.

– А я и не взрослая вовсе. А Пети твой брат или друг?

– Он мой старший брат и он скоро придет за мной, – пролепетал голосок.

– А как тебя зовут? – Я все-таки не оставляла попытки.

– Анна.

– Аннушка, значит. Красивое имя у тебя. А меня зовут Лиза. А ещё со мной мой друг Феликс.

– Но вы же одна. Вы врётё. Пети сказал, что все взрослые врут.

– Нет, Аннушка, я не вру. Феликс просто очень мал. Он меньше тебя. И думаю, что ему будет приятно познакомиться с такой милой девочкой, как ты.

Одуванчик заволновался, и я поняла, что любопытство в ребёнке борется с послушанием и авторитетом старшего брата. Осталось немножко подразнить.

– Я поставлю банку с моим другом, а сама отойду, чтобы ты поверила мне.

Так я и сделала: оставила пластиковый контейнер с моей улиткой у самой кромки травы и отошла подальше, чтобы девочка видела. Одуванчик огляделся по сторонам, и, решившись, вышел наконец-то из травяной завесы. Аннушкой оказалась маленькая худенькая девчушка с красно-рыжими в мелкую кудряшку волосами, остриженными по миниатюрные плечики. Поэтому издали казалось, что на головке малышки не волосы, а пух одуванчика, только цвет более яркий. Этой крохе на вид можно было дать не больше пяти лет. Одета в огромную куртку, явно с взрослого плеча, штанишки и ботиночки, она казалась такой хрупкой и беззащитной, что у меня всё внутри сжалось.

Девочка присела перед банкой на корточки, как и я недавно, и с удивлением принялась рассматривать улитку.

– Это улитка! И такая большая!

– Да, Феликс – улитка, но не простая. – Как же дети любят, когда им такое говорят.

– А какая? – Копна кудряшек взметнулась вверх и любознательное личико, усеянное милыми крапинками веснушек, устремило на меня взгляд удивлённых чуть раскосых глазок-изумрудинок.

– Феликс очень умная улитка. Он всё понимает, а ещё он мой верный друг.

– А Пети говорит, что улитки глупые.

– Другие улитки глупые, а Феликс не как другие, Аннушка. Хочешь с ним познакомиться?

– Но Пети сказал... – Анна бросала беспокойный взгляд то на банку с улиткой, то в сторону.

– Думаю, Пети тоже захочет познакомиться с Феликсом.

Я осторожно подошла к контейнеру и открыла крышку, девочка испугано отступила в сторону.

– Не бойся меня, Аннушка, твой брат прав, что надо бояться взрослых, но мне ты можешь доверять. Вот дай свою руку, я посажу на неё Феликса. – Я уже выудила улитку из её переносного жилища и, держа друга на открытой ладони, протягивала малышке.

Простояв несколько секунд, она всё-таки осмелилась подойти ко мне и робко протянула свою крохотную ручонку, только пальчики выглядывали из длиннющего рукава куртки. Феликс был водружён в центр детской ладошки и, распластавшись там, выставил свои рогульки, изучая новую территорию.

– Какой он холодный и мокрый. – Она была удивлена и в тоже время с восторгом смотрела на улитку, поднеся ту к самому лицу и поглаживая по раковине пальчиками свободной руки.

– Да, Аннушка, все улитки холодные и мокрые.

– Но вы же сказали, что Феликс не такой, как все. – Какой умный ребенок!

– Ну, он не такой. Но он всё-таки улитка. А все улитки такие. – Пыталась я выкрутиться из собственной западни.

– А у него есть сестра?

– Думаю, что есть. Но я с ней не знакома.

– А мама и папа есть у него?

– Я не знаю, Аннушка. – Я даже растерялась.

– У меня нет папы и мамы. Они умерли. Теперь Пети заботится обо мне.

– А сколько тебе лет? – Мне стало не по себе от той серьёзности в детских глазах, что смотрели прямо на меня.

– Шесть с хвостиком.

– Это как же?

– Шесть лет и восемь месяцев. Так Пети говорит.

– А твоему брату сколько лет?

Но девчушка ответить мне не успела, на дорогу выбежал подросток и, заметив рядом с малышкой меня, испугано закричал:

– Ани, Ани, отойди от неё! Иди ко мне, слышишь, Ани?!

Такой же рыжеволосый, как и сестра, щуплый мальчонка лет двенадцати, в тёплой толстой куртке и плотных штанах из-под которых высывались ободранные носы поношенных изрядно ботинок, бежал со всех ног к нам, придерживая в руках какой-то мешок. Девочка от резкого окрика испугано отшатнулась, но не решалась бежать, всё-таки у неё на руке сидел мой друг, а потому, её глазки метались меж Феликсом, мною и быстро приближавшимся братом. Думаю, что на тот момент она боялась больше всего нагоняя от него.

– Ани, ты будешь меня когда-нибудь слушаться? Несносная мелюзга! Тебя оставить одну невозможно! – Мальчик подбежал к нам и, схватив сестру за рукав куртки, резко рванул в свою сторону.

– Пети, она не такая, как другие! – Малышка оказалась не такой уж и трусихой, она упиралась и отводила ладошку с улиткой, оберегая нового знакомого от чересчур сильной опеки брата.

– Другая?! Ты в своём уме, Анна?! Сколько раз тебе говорить, что никому нельзя доверять! Все взрослые сделаны из кислого теста, они только и могут, что хорошо врать, да обижать таких наивных малюток, как ты. – Парнишка цепко держал за рукав девочку и тоже не собирался сдавать позицию.

– У неё есть большая улитка, и он её друг. Его зовут Феликс, – оправдывала меня малышка, показывая на безопасном расстоянии ладошку.

– Да хоть слон! Мне то что! Ты меня должна слушаться!

– Пети. – Я решила вклиниться в детскую ссору. – Тебя так зовут?

– Пётр, меня зовут Петром! – рявкнул разозлённый подросток. – Только ей можно звать меня иначе.

– Извини, Пётр. Ты прав, но я действительно не собиралась причинять твоей сестре ничего дурного. Я всего лишь познакомила её с моим другом.

– Вы больная? Как можно дружить с улиткой? – Мальчик смотрел на меня с презрительным неверием и для вящей убедительности покрутил указательным пальцем у виска.

– Нет, я не больная. И Аннушка тоже так считает.

– Анна верит всем подряд. Она доверчивая глупышка, которую рано или поздно обидит кто-нибудь вроде вас.

– Но у неё же есть старший брат, который не даст в обиду сестрёнку. Не так ли?

– Не дам! И вообще, почему я вас должен слушать? Я вас не знаю.

– Меня зовут Лиза. А моего друга-улитку – Феликс. Теперь мы знакомы, Пётр.

– Ну и что? Это ничего не значит! Всё равно взрослым верить нельзя, – упрямо твердил мальчик, однако сестрин рукав он отпустил, и та подошла ко мне.

– А вы совсем одни или у вас есть кто-то? – осторожно поинтересовалась я.

– А вам то что? Какое дело вам до нас? – Парнишка вновь ошетинился.

– Мы живем вон за тем лесом у дяди Константина, он теперь нас оберегает, – ответила Анна.

– Молчи! Всё растреплешь первому встречному, лишь бы внимание обратили на тебя. – Пётр сделал угрожающий жест кулаком в сторону девочки, и та вдруг юркнула мне за спину, ища защиты. – Давай, прячься, трусиха, дома я с тобой поговорю.

– Пётр, не надо обижать сестрёнку, она у тебя такая маленькая и хорошая. – В ответ мне была предоставлена передразнившая меня рожица. – И если ты боишься так за Аннушку, то и не оставляй её одну надолго. Вместо меня могла пробегать свора диких собак, и уж поверь, они бы не стали даже раздумывать, углядев такую лёгкую добычу.

Мои слова моментально согнали спесь и агрессию с мальчика, и он уже виновато смотрел в сторону сестры. А я почувствовала, как моих пальцев коснулась детская ручка, и я рефлексивно обхватила ладошку.

– Ладно, Ани, нам пора обратно.

– Хорошо, Пети, только я отдам Феликса.

Девочка протянула мне ладошку, на которой невозмутимо восседал мой друг, и я не без усилий смогла его снять и усадить обратно в пластиковую банку.

– А вы сюда приходите погулять? – обратилась я к брату.

– Даже, если и так, то вам то что? – Он снова выставлял гонор, словно щит.

– Да так. Я тоже люблю гулять. И собирать кое-что.

– Да ну. И что же? – Любопытство вновь вернулось в глаза Аннушки.

– Книги.

– Этот хлам? – презрительно отозвался её брат. – На кой вам они? От них пользы никакой.

– Как сказать. Ты умеешь читать, Пётр?

– Вот ещё глупости! Зачем мне это? – Но в голосе засквозило смущение.

– Значит, не умеешь. А если бы знал, то мог бы сестре сказки читать.

– Сказки?! Я люблю сказки! – восторженно завопила девочка. – Мама перед сном мне рассказывала сказки.

– Пора быть взрослой, Ани. Сказки не спасли маму и папу.

– Неправда! Неправда! Мама всегда говорила, что сказки делают из нас мечтателей, и лишь мечтатели делают мир лучше. – Малышка уткнулась мне в бедро и всхлипнула.

– Они были правы, милая. – Я присела на корточки и обняла ребёнка. – Только мечтатели могут изменить мир к лучшему.

– Глупости всё это! Очередная ложь! – выкрикнул Пётр и вдруг по непонятной мне причине с силой ударил ногой по камню на дороге, тот пролетел и скрылся в островке зелени.

– Хочешь, я расскажу тебе сказку, Аннушка? – Это вырвалось помимо моей воли, хотелось приласкать и успокоить девочку.

– А ты знаешь сказку? – Глаза-изумрудины смотрели с надеждой на меня.

– Конечно, знаю. Но рассказчик из меня не очень, зато у меня при себе есть одна книга. Вот в ней и есть сказка. Я могу вам обоим её почитать, если вы никуда не торопитесь, детишки.

– Пети, скажи, что мы не торопимся, ну, скажи. – Анна подбежала к брату и начала теревить его за рукав. – Пожалуйста, я хочу сказку.

– Ну, Ани, нас же будут ждать, да и сказка скорей всего неинтересная, – заупрямился мальчик.

– Сказка очень интересная. Она про одного мальчика, кстати, его зовут Питер, почти, как тебя, Пётр. Так вот, он живет в сказочной стране, может летать и возглавляет банду мальчишек.

– Я не слышал о такой сказке. Это вы придумали. – Во взгляде Петра сквозило сомнение, но также там появился и интерес.

– Я ничего не выдумала, нет у меня такого таланта, а книга вот, она. – Я вытащила из торбы книгу, что захватила случайно (случайно ли?) с собой. – Можешь посмотреть, там и картинки есть.

Петр повертел в руках книгу, бегло пролистал страницы, и снова взгляд его остановился на обложке, где главный герой парил в небе в окружении мальчишек, таких же, как и сам Пётр.

– Что толку, я же не могу узнать, о чём она. – Он отдал мне книгу и раздосадовано вновь пнул камешек, что оказался под ногами.

– Я могу её вам прочитать, и вы сами узнаете о проделках и приключениях этого мальчика.

– Пети, ну, пожалуйста, пожалуйста! Это должно быть интересно. Я так хочу сказку, а дядя Константин кроме взрослых историй ничего не знает. – Малютка повисла на брате, выпрашивая.

– Ну, хорошо. Только не долго. Посмотрим, что там за сказка. Если она будет скучной, то мы сразу уйдем. – Пошёл-таки на уступки брат.

– Ура! Ура! Лиза, почитай нам сказку о Питере. – Аннушка хлопала в ладошки и прыгала от восторга, огненные кудряшки задорно пружинили.

Мы расположились у ближайшего обвалившегося дома, прямо на щербатых ступенях и я начала повествование:

– Итак, сказка называется «Питер Пен». Глава первая: Питер Пен нарушает спокойствие. « Все дети, кроме одного единственного ребёнка на свете, рано или поздно вырастают»...

Сказка пошла на ура. Нет, целиком я её тогда не осилила потому, как детям всё-таки нужно было вернуться засветло домой. Но я им пообещала обязательно дочитать книгу, уж больно захватил их мир вечного детства. А может, и собственная потеря родителей их породнила с этим сказочным мальчиком-шалопаем.

Позднее в условленный срок я вернулась туда, меня ждали два человечка, и ждали меня уже как друга. С той поры я так и зову их Аннушкой и Питером, а они меня своим другом.

Чем. past

Ещё с древних времен волновала человечество двойственность человеческой души. Сколько трактатов и научных трудов было посвящено и продолжает посвящаться этому интересному вопросу, но до сих пор люди никак не могут прийти к единому, разумному мнению.

У меня развита на этот счет своя точка зрения. Возможно, правда, она будет звучать очень дико или смешно, но она уже есть и с ней возможно не считаться.

По наблюдениям за окружающими меня людьми и самой собой, я пришла к необычному заключению: каждый человек состоит из мужчины и женщины от рождения. Да-да, именно состоит, или вернее сказать, они внутри него существуют.

Допустим, что с самого рождения в человеке заложены две сути – мужская и женская, которые растут по мере взросления, учатся жизни и конкурируют между собой. А конкуренция весьма ярко проявляется в зависимости от настроения человека и его мироощущения.

Мужчина и женщина между собою борются и подчиняют друг друга своей воле. Мужчина сильнее от природы, ему ничего не стоит затолкнуть женщину в угол и заставить её молчать до поры, до времени. Но и женщина способна проделать тоже самое с мужчиной.

Да все замечали это. Приведу элементарный пример: наверняка приходилось кому-нибудь встречать мужчину с ярко выраженным женским характером – истеричного, неуравновешенного, вздорного и чрезвычайно болтливой типа. Либо женщину, именуемую «мужеподобной» – больше молчаливую, сильную делами, а не словами особу, любящую всё мужское: игры, одежду и тому подобное; а равно мало уделяющую время макияжу и не заботящуюся о внешности. Можно много говорить и приводить примеры, но баланс внутренний в таких людях нарушен несогласием мужского и женского начал.

Этот дисбаланс может носить характер постоянный, но также и иметь место временного события.

Во мне также живут мужчина и женщина – соперники вечные, но также и согласованные партнёры. Я и сама веду себя частенько не так как хочу, не так как чувствую. «Мой мужчина» часто терроризирует и заталкивает в угол «мою женщину», но и она не оказывается в долгу. И так всю жизнь. Но, впрочем, это всё же интересно.

Всё, что я тут пишу, может быть истолковано, тобой мой чтец, как бред сумасшедшего, я вполне согласна. Ты скажешь, что я ненормальная и будешь по-своему прав, но задумайся на минуту. А вдруг?

P.S: Интересно, а у Феликса есть такая двойственность? Ведь известно, что улитки – гермафродиты по природе своей. Забавно.

Воск. past

Сегодня состоялась моя первая встреча с «профессором» вне университетских стен! Как мы и договорились, заранее был определён день, свободный для нас обоих. Им оказалось это воскресенье. Условились, не сговариваясь, о городском парке, о том самом, что так много значил для Кливленда Вайсмана, который я любила с раннего детства за уютный тенистый уголок клёнов и тополей, вперемежку с вязами и душистыми липами.

– Вы, знаете, Лиза, я стал очень редко заглядывать сюда. Старею, наверное. – Он меня встретил, прохаживаясь у высоченного дуба. – Мы с этим красавцем в одной весовой категории. Помню его в год знакомства с Вероникой, тогда этот великан был более стройным.

– Вы так говорите, будто вам уже перевалило за сотню лет. Мистер Кливленд, этому дубу уже больше ста пятидесяти лет. Да вы юноша рядом с ним.

– А вы, Лиза, всё-таки лысец по природе. – Вайсман сделал жест в сторону дорожки, приглашая пройтись по витиеватым и зелёным просторам парка. – Прошло столько лет, столько бесконечно долгих лет, что я уже путаюсь на счёт своего возраста. И потом, даже приятно осознавать, что нас в парке два таких древних старика.

– Мистер Кливленд, у меня столько вопросов к вам, и даже не знаю с какого начать из них.

– Прошу вас, когда мы не в университете, зовите меня просто по имени. Иначе я продолжаю ощущать себя с вами учителем. А это, поверьте, скучно.

– Конечно, я постараюсь.

– Так с чего бы вы хотели начать? Наверное, про наблюдателей? Я прав?

– Да, но я не хочу вас обременять или утомлять этим. Есть куча других вещей, куда интереснее.

– Вы правы, Лиза, в этом лихом мире есть куда более интересные вещи, чем быть наблюдателем. Хотя вот эти люди, мирно прогуливающиеся с нами заодно по этой дорожке, в корне не согласятся со мной. – Кливленд качнул головой в сторону прохожих, как и мы наслаждавшихся выходным днем. – Да и вы, скорее всего, тоже. Вы так молоды.

– Ну почему же, моя молодость не делает меня такой безмятежно глупой, чтобы не чувствовать всё бремя и ответственность моей метки.

– Простите великодушно старика, барышня. Я не хотел обидеть вас и тем более оскорбить ваш светлый ум. Просто я встречал людей в довольно зрелом возрасте, не осознающих, какой груз им достался с рождения. И вы не представляете, какие ошибки и дела вершили эти люди! Но, да ладно об этом.

– А что вы говорили этим людям? Ведь вы же наверняка пытались их вразумить.

– Ох, Лиза, не всегда словом можно исправить душу и тем более разум. От одного голландского моряка, жившего несколько сотен лет назад, я услышал золотые слова: Никогда никого не суди, никогда никого не оценивай, никогда ни на кого не оглядывайся. Может статься, что те, кто находится рядом с тобой, равняются на тебя.

– Они бесценны.

– Не для всех. Вот вы суть услышали, а другие смеялись мне в лицо и называли жалким дураком и стариком, выжившим из ума. Очередной социальный шаблон!

– Это они выжили из ума, раз не понимают столь очевидной истины!

– Лиза, Лиза. Чистая и наивная душа. Они-то как раз всё это прекрасно понимали, но разум в паутине чёрных страстей никогда не даст душе осознать правду, и лишь отрицание будет его истинным оружием.

– Вы правы, Кливленд, но это всё так неправильно.

– А вы не одна пришли прогуляться со стариком, как я погляжу. – Вайсман наконец-то заметил Феликса, которого я решила познакомить с парком, это была его первая прогулка здесь.

– Да, это Феликс – виноградная улитка и мой лучший друг.

– Прекрасный экземпляр *Helix pomatia*. Вам повезло, барышня, у вас хороший и надежный друг. Такой не убежит далеко и ест не так много, как люди.

– И вы туда же, профессор? Наг тоже иронизировал по поводу моей дружбы с улиткой.

– Наг? Кто это?

– Это огромный говорящий змей из цивилизации нагов из другого мира. Мы с ним случайно столкнулись в одном озере.

– Говорящий змей? Озеро? Да вы полны тайн и загадок, Лиза! Скорей, поведайте мне про ваше знакомство с Нагом. Мне безумно интересна каждая деталь вашего общения с этим представителем рептилий. – Вайсман заметно оживился и подвёл меня к уютной окованной железом деревянной скамейке.

Мне и самой очень хотелось поделиться этой историей с кем-нибудь, но как ты сам знаешь, незнакомец, общаться на такие темы можно не со всяким человеком, поэтому я с удовольствием во всех подробностях поделилась с Кливлендом Вайсманом знакомством с Нагом в заветном озере. Время летело чертовски быстро, мы с преподавателем математики, забыв обо всём и всех на свете, делились эмоциями на затерянной в парке скамье.

– Вы, безусловно, счастливица, Лиза! Представьте себе, вы имели честь знакомства с представителем высшей культуры, даже куда выше нашей, да ещё и из другого мира! Вам неслыханно повезло! Такой шанс даётся судьбой редким людям, а уж наблюдателям и подавно, – восхищался «профессор», дослушав историю до конца.

– Теперь вы мне льстите, профессор. – Я улыбнулась в ответ. – На мой взгляд, это была очевидная случайность, да и вообще-то я могла запросто утонуть. Там был такой жуткий водоворот!

– Ничего подобного! Вам судьбой была дана эта знаковая встреча, даже улитка и та вас сопровождала, хотя вы сами помните, что ваш Феликс должен был по всем признакам присутствовать на берегу и мирно щипать травку. Так как же он оказался у вас на голове? Вы не задумывались над этим, барышня?

– Думала и не раз, но разумных объяснений я этому не нахожу.

– Вот именно! Хватит искать разумное во всём, что окружает и происходит. Иной раз дайте волю воображению, и оно уж точно вам даст самую верную подсказку, а может и ответ.

– Я попробую.

– И будьте смелее, Лиза! В сторону скромность разума! Все скромности ложны. Это всего лишь маски, которые одни волею судеб срывают с других. И не надо присваивать добродетель тому, что под действием закономерностей распадается в пыль, не обманывайте себя, милый друг. Ваша скромность есть лишь трусость, элементарная боязнь протянуть руку к тому, что интересно и нужно вам. По сути все скромняжки – трусы, а посему, слабые и жалкие, в герои таких не записать ни при каком раскладе, разве что крайнее отчаяние или наркотик какой сподобит этих скромниц на Поступок. Но это уже исключительные факторы.

– Ого, Кливленд, а вы можете быть очень жестким.

– Я и есть жесткий, иначе бы наблюдатель бы из меня получился никудышный.

– У меня не всегда получается быть жесткой.

– Лиза, дорогая барышня, вам и не нужно быть жесткой! Вы ещё ребёнок в сравнении со мной. И у вас такое доброе сердце, что его не зажать в тиски, иначе вы жить не сможете. Делайте то, что в ваших силах и в вашей душе.

– Но, Кливленд, я уже совершила одну ошибку в прошлом, за которую жду расплату.

– Ответьте на один вопрос: вы жалеете об этой ошибке и повторили бы вы её, если бы заново попали в ту же ситуацию?

– Не жалею и сделала бы тоже самое.

– Вот вам и ответ из глубин вашего сердца. Я прямо-таки уверен, что вы помогли кому-то в беде и об этом вы мне поведаете в другой раз, в ваших глазах я не вижу того, за что бы имел права винить и осуждать вас. Да и кто я такой, если быть честным? Я и сам не безгрешен.

– Самое болезненное – это просто наблюдать и не вмешиваться. Как же это несправедливо, профессор! Как же это больно! Видеть зло и не сметь преградить ему путь, чтобы спасти невинного и незащитного.

– Милая Лиза, милая барышня, вы не представляете, сколько ещё несправедливости ждёт вас впереди. Но самое страшное, на мой взгляд, встречать эту несправедливость лицом к лицу в одиночестве. – Горько вздохнул Вайсман, продолжив. – Каждый из нас, абсолютно каждый рождается индивидуальной личностью, то есть с определенным характером, естественно-внешними отличиями, связанными с геным набором. Но есть кое-что, что нас примиряет и приравнивает. Не что иное, как начала, вернее, два начала – добро и зло. Может это выглядит на первый взгляд наивно и глупо, пусть, но если присмотреться, то в действительности так оно и есть. Добро и Зло заложены в любом человеке при рождении в одинаковой пропорции – пятьдесят на пятьдесят. По увеличению возраста любой из нас сам контролирует чаши мер в ту или иную сторону, борясь с любой из сторон. Не рождается злых и бессердечных, жестоких и кровожадных людей, как и в той же мере добрых, любящих, нежных и так далее. Нет, человек сам решает, чья сторона, чья чаша весов ему близка, что ему дорого, за что он хочет бороться всю жизнь. Либо выбирается легкий путь Зла (Тьмы) без борьбы или проиграв её, либо сложный Добра (Света). В книге одного писателя, как нельзя лучше сказано: «Нам не дано выбрать абсолютную истину. Она всегда двулика. Всё, что у нас есть, – право отказаться от той лжи,

которая более неприятна. Погасить в себе свет гораздо легче, чем рассеять тьму». Поэтому каждый для себя должен решать: стоит ли бороться за доброе начало в себе самом или просто опустить руки и поддаться Тьме, раствориться в ней без остатка и пропасть не только для всех, но, в первую очередь для самого себя.

– Как же вы вдохновенно говорите, профессор! – выдохнула я.

– Ерунда. Житейский и учительский опыт, не более того, моя внештатная ученица. – Кливленд смущенно улыбнулся.

– Для меня это не ерунда. Для меня каждое ваше слово каждый раз открытие и некое откровение. Да-да, я не преувеличиваю. Вы сами не представляете, какой силой обладает ваша информация. Поэтому к вам тянет студентов, поэтому они не пропускают ваши лекции, поэтому они вас...любят.

– Любят? Вот сейчас вы меня откровением наградили. Не думаю, что это любовь, скорее тяга к очевидным истинам, сравнимая разве что с растениями, жаждущими дождевой воды, а не водопроводной потому, как дождевая исходит из первоисточника и обладает первородностью.

– А мне всё-таки сдаётся, что вы любимы своими студентами.

– И вами тоже? – Вот этот вопрос меня поставил в тупик. – Вы покраснели, барышня, а ведь я всего лишь хочу услышать подтверждения ваших же слов. Не хотите же вы сказать, что вы не моя студентка?

– Ваша, конечно же. Просто вы меня в тупик загнали своим неожиданным вопросом.

– Вот видите, раз вам сложно подтвердить своё утверждение, то и получается, что оно ошибочно.

– Нет, я не ошибаюсь! Вас действительно очень любят, я сама не раз это слышала. И я вас очень люблю и уважаю, как учителя и наставника.

– Я знаю, Лиза, знаю. Извините, что вынудил вас признать правоту ваших же слов. Порой так трудно сказать самому то, что на душе, что порой требуются годы, а потом становится слишком поздно.

– Вы вспомнили Веронику?

– Я никогда о ней не забываю, никогда. Вы смелее, чем я, Лиза, вы можете человеку, глядя в лицо, сказать о своих чувствах.

– Вы не представляете, какая я трусиха.

– Вы забыли? Долой скромность!

– Вы правы, но ведь бывают такие моменты, когда и у меня язык прилипает к нёбу от страха.

– Думаю, что это ничтожно малые моменты. Знаете, мне на глаза попало одно письмо на той неделе, оно без подписи, анонимное. Обнаружил я его валявшимся в подъезде моего дома под почтовыми ящиками. Почтальон видимо запутался, куда его деть и запросто мог положить поверх ящиков, а порывом сквозняка письмо сдуло на пол. Так вот, любопытство мое протянуло руки к таинственному письму и завладело им. Лишь закрыв за собой дверь квартиры, я устремился в комнату, где и вскрыл белый без единой пометки конверт. Внутри лежал сложенный пополам белоснежный лист бумаги. Раскрыв лист, я обнаружил краткое содержание, которое пробрало меня до самого нутра. Столько боли, обиды, разочарования и гнева я давно не видел. И всё это уместилось в нескольких строках. Вот, это письмо со мной.

Кливленд Вайсман вынул из внутреннего кармана пиджака чуть помятый и сложенный вчетверо лист и протянул его мне для ознакомления. Текст был напечатан, а не написан рукой, как мне подумалось вначале, но слова и вправду поразили меня бурей эмоций того, кто их написал.

«Мне надоели ваши глупые взгляды. Надоели ваши бесполезные советы.

Надоело ждать ваше одобрение. Надоело бояться вашего осуждения.
Хватит навязывать мне ложные идеи и ценности!
Хватит говорить о добродетели и лицемерить при этом!
Я устала от ВАС. От всех ВАС!
Хочу уйти туда, где Вас не будет, где никто не найдёт меня.
Но нет такого места на Земле. Вы везде найдете, хотя бы физическую оболочку меня.
Нет выбора. Остается только один путь...
Я его завершу!
Удачи Вам в дальнейшем бестолковом существовании!

Отступник»

– Письмо написала женщина, а подписалась отступником, вы заметили? – обратилась я к «профессору».

– Да, я тоже обратил на это внимание. Бедняга, как же сильно её лихорадило в тот момент, когда она это писала!

– Она упомянула о том, что завершит свой путь. Самоубийство? Обычно самоубийцы оставляют подобные письма, когда сводят счёты с жизнью. Но тут нет никакого адреса и даже имени. Никакой логики.

– Лиза, я же говорил, что пора уже отключать всё разумное в попытках обосновать то, что происходит вокруг.

– Да, но как вы тогда это можете объяснить, Кливленд?

– Я не знаю, что сотворила с собой та дама, что писала столь отчаянное письмо, но вот тот факт, что оно попало именно в мой подъезд и именно мне в руки, даёт мне основание полагать, что всё это неспроста. Как я говорил, ничего случайного нет. Эти слова должны были дойти до меня, а может быть и до вас. Очень жаль, если та отчаявшаяся женщина свела счёты с жизнью, но может её большая душа была слишком затянута в тиски и лишь через смерть она могла вновь стать свободной. Смерть – лишь дверь в другой мир. А вы не знали?

– Но зачем вы мне показали это письмо? С какой целью? Чтобы я расстроилась, как и вы?

– Чтобы вы задумались, Лиза. Задумались, что любой человек может в любой момент жизни быть отрезан от понимания и зажат тисками социума так жёстко, что единственным вариантом свободы может оказаться только смерть.

– Но ведь всегда можно найти выход, правда, профессор?

– Я вам открою страшную тайну, барышня: из тупика всегда бывает только один выход.

IV

Пон. future

Сегодня я решила сделать детям сюрприз. Накануне сгоняла на пару часов в старый Париж, вернее, в его самый заветный и наполненный тайнами уголок под названием Монмартр. Именно там я могла отыскать нужную мне вещь. Для этого пришлось вернуться в прошлое, в самое начало 20-х годов XX века. На одной тихой, узкой улочке после часа прогулки, наконец-то я разыскала магазин-ломбард, в котором надеялась заполучить то, зачем собственно и прибыла сюда.

Меня встретил мелодичный звон дверного колокольчика за дверью, а вслед за ним и сам хозяин. Им оказался молодой человек лет тридцати, невысокий, с аккуратно уложенными волосами и забавными усиками «а-ля Чарли Чаплин». Мне даже показалось, что и ходит он

также забавно, как знаменитый актер в кинокомедиях. Одет мужчина был в строгий костюм тройку серого цвета с придающим живости общему портрету галстуком пурпурного цвета.

Учтиво приветствуя мадемуазель, то есть меня, хозяин поинтересовался, с какой целью я зашла – приобрести нечто примечательное или наоборот, продать что-то не менее значительное? Я ответила, что ни то и ни другое, чем поставила мсье в тупик. Дабы не тратить больше время, я спросила – не имеется ли в этом дивном и, конечно же, самом шикарном в округе магазине у столь славного и достопочтенного господина в наличии граммофон?

Хозяин заметно оживился и признался, что да, его магазином как раз недавно был приобретен портативный граммофон фирмы «*DECCA*» 1915 года в весьма приличном состоянии. Бывший хозяин хранил и очень бережно относился к своему музыкальному другу, как ласково он его называл, но трудности с финансами вынудили бедолагу расстаться с аппаратом. Мсье Рене Лонгуэ, хозяин ломбарда, любезно сопроводил меня к окну, где на низеньком лаковом столике покоился предмет моих поисков. До чего же был хорош этот граммофон! Чёрный кожаный корпус-чемоданчик, массивная ручка для завода пружины с отполированной до блеска деревянной рукоятью; в центре нанизанная на ось, тёмным кругляшом ждала очередного пробега испещрённая бороздками пластинка. Мсье Рене спросил, не желаю ли я прослушать, как звучит сей аппарат? Естественно, я согласилась.

Несколько энергичных вращений ручки, водружение иглы в центр пластины и из волшебного ларца вырвались мощные аккорды Венского вальса Штрауса, такие чистые и яркие, что казалось, будто весь магазин погрузился в атмосферу сказочного бала. Я влюбилась-таки в этот сказочный чемоданчик музыки. Оказалось, что завода хватает только на одну сторону пластинки, и машинка имеет в наличие добротный набор игл, что было весьма кстати. Я поинтересовалась у хозяина – не может ли он пойти на уступку мадемуазель и поменять граммофон на нечто не менее стоящее? Он уклончиво ответил, что по обыкновению таких сделок не производит, но глаза у него заблестели, да ещё как! На мою удачу, мсье Рене оказался из тех людей, в ком легко разжечь особый азарт при заключении сделки. Когда игла дошла до края пластинки, музыка прекратилась, как и предупреждал торговец; тогда-то я и вынула из своей торбы то, на что надеялась выменять чудесный аппарат.

Это была кукла из фарфора, облачённая в бальное платье из нежнейшего белого шелка. У куклы даже волосы имелись настоящие. Эта красавица была создана полвека назад в Англии на заказ одного барона для любимой и единственной дочери, и стоять должна была целое состояние. Как она попала мне в руки? Эту тайну, незнакомец, я, пожалуй, оставлю при себе.

Мсье Рене Лонгуэ сразу оценил моё предложение, как чересчур щедрое, но вида старался не подавать, плут. Бережно переняв от меня красотку-куколку, он водрузил её на самом почётном месте за прилавком, а мне предложил к граммофону довеском внушительную коллекцию пластинок, оставшихся от прежнего владельца. Каждая пластина имела свой конверт из плотной картонной бумаги с чернильными надписями предыдущего хозяина. Довольный сделкой продавец, завернул эту коллекцию из шеллака в дополнительный слой бумаги и перевязал бечёвкой для удобства. Так я и покинула Монмартр – в одной руке на железной ручке висел сложенный в чемоданчик граммофон, в другой – связка пластинок.

И всё это сокровище я хотела вручить Анне и Петру. Дети не знали красот старой музыки, но я надеялась, что они воспримут этот раритет, этот отголосок далекого прошлого и проникнутся им.

Как обычно, мы встретились в том месте, где познакомились. Детишки приходили сюда поиграть, а также Пётр бродил по развалинам городка в неугасающей надежде найти что-нибудь. На мой вопрос, что именно он ищет, мальчик ответил, что сам не знает, а вот как найдет, так сразу поймёт, что искал. Он и таскал с собой повсюду затрапезного вида мешок, чтобы поместить туда свою будущую находку.

Я приходила к пустырю не более двух раз в неделю и читала детям книжки. Из-за строгих правил наблюдательской жизни и из-за других дел у меня не было возможности навещать ребяташек чаще. В какой-то мере я даже радовалась этому, ведь с каждой встречей они становились мне всё ближе.

Они оказались весьма прожорливыми слушателями и постоянно просили добавки. Тогда я решила на весьма серьёзный шаг и ответственный в первую очередь для себя, как наблюдателя, – научить этих сирот грамоте, чтобы они независимо от меня могли в любое удобное время наслаждаться содержимым книг. Они согласились, и каждый последний час моего пребывания на пустыре с братом и сестрой мы посвящали изучению алфавита. Они очень старались и прилагали все усилия на запоминание букв, а также слов, связанных с этими буквами. Думаю, что за год мы добьёмся с ними больших успехов.

– Что это ты притащила с собой? – Пётр вытаращился на мою поклажу в обеих руках.

– Это сюрприз. А если поможешь мне, то быстрее узнаешь, что это за сюрприз.

– Ишь, раскомандовалась.

Пётр всё ещё показывал свой несносный характер, но теперь это выражалось в особой дружеской форме. Постепенно он подпускал меня к себе, этот худенький неуклюжий рыжий ёжик, подросток, отчаянно нуждавшийся во внимании и одобрении старших, но с подозрением и опаской отвечавший на любое проявление добросердечия. И на то у него были свои причины, которые со временем и мне стали известны.

Питер Пен так сильно пришёлся мальчику по нраву, что это имя накрепко зацепилось маленькими крылышками феи к настоящему имени брата Анны, и мы с девочкой теперь Пети звали только Питером.

Хоть мальчик и поворчал, однако ж, ловко выхватил из моих рук чемоданчик и положил его на ближайший от нас плоский валун. Связку пластинок я аккуратно пристроила рядом, а затем, неторопливо распаковав, выудила из пачки конвертов один наугад.

– Что это, Лиза? – Аннушка буквально повисла на моей руке и личиком норвила ткнуться в пластинку.

– Сейчас узнаешь, милая. Тебе понравится. Подержи вот этот конверт, но только осторожно, не урони, а то пластинка, что внутри, разобьётся, и мы ничего не услышим.

– А что мы должны услышать? – Девочка прижала к уху конверт, старательно вслушиваясь в его содержимое. – Ничего не слышно.

– Да, мисс учитель, что мы должны услышать? Свист соловья или трели из выгребной ямы? – усмехнулся Пётр, но продолжал следить за моими действиями с граммофоном.

Тем временем я щёлкнула замком и откинула крышку, вынула ручку с блестящим набалдашником и вставила в отверстие сбоку справа.

– Это надо крутить? – Мальчик подвинулся ближе, устройство его интересовало теперь сильнее.

– Да, но сначала, Аннушка, подай мне конверт с пластинкой.

– Но, Лиза, ничего же не слышно, – разочаровано произнесла девочка. Она потрясла конверт в надежде хоть что-то услышать.

– Нет, Аннушка, не тряси! Дай его лучше мне.

Она послушно протянула мне конверт, из которого я вынула шеллаковый блин пластины.

– Что это? – Глазки-изумрудины округлились.

– Это, Аннушка, пластинка, которую нужно уложить вот сюда, – ответила я, нанизав пластину на центровую ось.

Проверив иглу стального звуконосителя, я предложила мальчику:

– А теперь, Питер, всё будет зависеть только от тебя. Нужно прокрутить ручку до упора. Справишься?

– Мисс, среди вас есть только один мужчина, и он прокрутит вам хоть сто ручек, – невозможно и ноткой бахвальства ответил Пётр.

– А мне, можно мне? Я тоже хочу! – заверещала тут же его сестра.

– И ты покрутишь, Аннушка, – пообещала я ей. – Сначала Питер, как старший, а после и ты.

– Так нечестно, – фыркнула девочка. – Всегда Пети потому, что старший.

Игнорируя возмущение младшей сестры, Пётр с чувством превосходства вращал легко поддающуюся ручку граммофона, пока завод пружины не достиг предела.

– Ой, она крутится! Лиза, она крутится! – Анна восторженно тыкала пальчиком в сторону вращавшейся пластинки, а её брат довольно потирал ладони.

– Ну, а теперь, детишки, самое важное и долгожданное. Слушайте. – Я аккуратно вложила иглу в центральную бороздку вращавшегося чёрного диска и в воздух ворвалась музыка.

В этот раз играл не вальс, это был чудесный романс в исполнении неизвестной мне французской певицы, волшебный голос которой струился из черного чемоданчика и околдовал нас троих, словно невидимой мантией. При первых звуках дети сначала отшатнулись от музыкального аппарата и тарасились на него, как на неведомого монстра из сказок. Но видя мою безмятежность и улыбку, они осмелели и подошли настолько близко, что позволили себе прикоснуться к старинному граммофону и поддаться очарованию вибрирующего, глубокого, чуть с хрипотцой женского голоса. Ни единого вопроса, ни единого возгласа, даже шёпот отсутствовал, пока завод пружины не ослабел, а песня не прекратилась, и игла не слетела с края пластинки.

– Кто это пел? Как это получилось? Так громко! Так красиво! Лизи, можно ещё? Пожалуйста, можно теперь я покручу волшебную ручку? – Вопросы и просьбы обрушились на меня шквалом.

– Конечно, можно, Аннушка, теперь твоя очередь. Питер, это машинка, которая передает голоса и музыку, давно записанные на вот такие пластины при помощи особой начинки внутри этого чемоданчика. – Я показывала мальчику на граммофон, одновременно помогая его сестренке вращать ручку.

– Но как такое возможно? Я, конечно, видел немало ржавых механизмов от старых машин, отец мне показывал, но как они работали, он не смог объяснить. Это тоже из старых машин? – Под «старыми машинами» в этом мире имелась в виду вся техника до апокалипсиса.

– Да, это старая машина, Питер. Очень старая. Честно, я не особо сильна в устройствах машин, но этот граммофон, так он называется, не так уж и сложен. Вы, ребятки справитесь с ним, только следите за ним, не запускайте его потому, что второго такого вы уже не найдете. Это сокровище.

– Ты его даришь нам, Лиза?! – Глазки-изумрудины вновь стали большими от изумления на маленьком веснушчатом личике Анны. – Ты его, правда, даришь нам?

– Я его и принесла вам. Тихо у вас тут, музыки приличной не хватает. Отнесите граммофон к дяде и покажите, как с ним управляться. Следите за иглами, они быстро тупятся. Одного завода хватает на одну сторону пластины. – Я указала на стопку других конвертов. – Вот вам ещё и другие пластинки, надеюсь, вам всё понравится.

– А ты с нами не пойдешь? Дядя Константин давно хочет с тобой познакомиться, – спросил друг Пётр.

– В другой раз, детки, в другой раз. Надену своё самое красивое платье, и загляну к вам на чашечку кофе.

– У нас нет кофе. Мы его пили давно, когда родители были..., – мальчик не договорил, но и так было понятно.

– Договорились. Я принесу кофе, и мы его сварим на костре. Идёт?

– Как мама варила? Ты такой кофе сделаешь, Лиза? – Аннушка улыбнулась и прижалась к моей руке, как маленький котёнок.

– Надеюсь, что у меня получится, милая. Я постараюсь. А теперь давайте послушаем, что на другой стороне этой чудесной пластинки. Согласны?

В этот день мы не учили азбуку, мы просто сидели втроём, прижавшись друг к другу, и периодически вращая ручку патефона, слушали голоса и музыку прошлого. Будущее вновь возвращалось в прошлое.

Vm. past

Это письмо мне досталось от Тамары, той необычной женщины из прошлого, медсестры одной деревни, одиноко живущей на её окраине. Я не упоминала, но ещё раз встретилась с ней, не удержалась, так сказать. Особого желания беседы со мной у неё в тот момент не было, но она вручила мне в чистом белом конверте без подписи это странное и взволновавшее до глубины меня письмо. В нём я увидела весь свой страх, спрятанный и похороненный ото всех давно, но так ловко реанимированный этими острыми словами. Долго я не решалась вписать сюда эти строки, ох, как долго, но больше уже не могу удерживать ту боль, читай его, мой незнакомый чтец, может, поймёшь лучше тёмную сторону жизни наблюдателя. Читай.

«Про одиночество лучше писать в состоянии душевного покоя или тихой радости, но, не когда твоя душа на грани нервного срыва или надломлена и опустошена. Для чего это? Просто в спокойной среде будет легче передать это невыносимое состояние, то есть объективно. С надорванными чувствами разум будет всё время обращаться лишь к собственным обидам, и заикливаться ты будешь только на себе любимой. Значит, лучше это делать в невесомом, почти пустом мироощущении, только с лёгкой тенью грусти, этакой маленькой грустинкой, чтобы не забываться. Тень отражает истину такой, какая она есть.

Не хочу, чтобы хоть кто-то, как я испытывал хотя бы маленькую долю невыносимости, обречённости быть одной среди миллионов. Нет, не жить одной в пустыне, глухом лесу, доме. Нет. Страшнее каждый день видеться с сотнями людей, жить с ними и среди них, общаться, но чувствовать себя чужой, прокажённой, ненужной. Без понимания. Без полного понимания и поддержки, вот куда страшнее и ужаснее.

Слышала про «белую ворону»? Это про меня. А может и про тебя? ... Не знаю, как-то само сложилось всё, как будто, так и должно было быть, а возможно это цена наблюдателя, её обратная сторона. А может, быть «белой вороной», «белой мышью» судьба немногих, но в этом есть смысл для остальных «нормальных», как они себя называют. Смотря и общаясь с «белыми», они чувствуют своё превосходство и лишний раз внушают себе и успокаивают себя в том, что у них «всё хорошо и нормально». Не знаю, наверное, это так. Об этом знают только они сами.

Как тяжело, когда душа переполнена солнечным светом, а им не с кем поделиться, потому что это никому не нужно. А, если пытаешься поделиться с каким-нибудь собеседником сердечными излияниями, чаще всего он смотрит на тебя, как на безумную, которой место в психушке, а не среди людей. Как же это невыносимо притворяться такой же, как они, говорить, смотреть на всё, как они и заставлять себя мыслить «как все». Невыносимо! Нет, лучше жить одной, но свободной. Вернее быть «белой вороной». Белой!

Пыталась, пыталась, как я хотела, чтобы они приняли меня такой, какая есть, поняли хотя бы маленькую толику меня. Думаю, так может сказать не каждый, но только тот, кто схож со мною в этом.

Все люди рождаются индивидуально развитыми личностями, но в силу обстоятельств одни копируют друг друга, мыслят одинаково и действуют предсказуемо – они становятся

обществом с виду разнородным, но на самом деле однообразным и безликим. Остальное меньшинство развито внутренне иначе и не желает мириться с однообразием и рутинным поведением; эти люди выделяются в обществе своими действиями и особенно ярким и незаурядным мышлением, которое им никогда не простят.

Но парадокс – лишь со смертью этих индивидуалов начинают понимать и уважать. А причина отторжения из общества лишь одна: вначале непонимание, потом зависть, возникающая от непонимания, а затем ненависть и отчуждение. Но не забвение. Нет, индивидуалов никогда не забывают, после смерти их помнят и даже восхищаются. Восхищение вызывает откровенное неподчинение всеобщему мнению и вызов обществу, то есть бесстрашие быть отвергнутым и непонятым, быть обреченным на одиночество. Ведь многие из стандартного общества люди хотели бы быть свободными от предрассудков и быть такими же как «белые вороны», но им в определенный момент не хватило решительности и они стали такими же «как все». Вот и восхищаются в тайне и завидуют наяву.

Тягостное это чувство – одиночество. Ни дай Создатель каждому... Но с другой стороны, мне ближе «белая ворона» – это необычная и чуждая в природе птица, чем обыкновенная серая мышь».

Пят. past

Приснился новый кошмар, хуже предыдущих. Он подобрался слишком близко ко мне. Крайне близко.

Я брела, точнее, плутала по сонным улицам знакомого мне города, только не могла вспомнить, что это за место. Название крутилось и вертелось в мозгу, и я думала, что вот-вот выхватю из памяти этот кусок, и всё встанет на свои места. Но главное, я скорее желала покинуть этот город, где было тягостно, и охватывал меня всё более непонятный мне ужас.

Город спал, но постепенно я осознала – он был мёртв. Ни единого голоса, ни шелеста листвы, ни лая собак, ни щебета птиц. Всё было мертво, и ветер мёртв. Город проседал под давящей, вбиравшей воздух и все пространство вокруг, мглой.

Я брела и не помнила, кто я, и куда ведёт меня цель. А была ли эта цель вообще?

Дома по бокам выныривали из серого и вязкого тумана и пропадали тут же. Под ногами асфальт со скрипом неприятно потрескивал каменной крошкой, царапавшей подошвы моих кед. И тут я различила слово, затем ещё. Остановилась. На дороге передо мною слова выжигались невидимой рукой и собирались в предложения. Я прочла их все до единого.

Ты бежишь, человек. Куда ты бежишь? Ведь давно все пути к спасению и отступлению перекрыты и съедены моими детьми. И тебе это прекрасно известно, но в своей гордыне и самонадеянности, ты полагаешь, что умнее меня и тех, от кого бежишь. Но если так, то почему ты в страхе покидаешь свои дома и хоронишься от нас в подвалах и укрытиях? Почему?

Ты, чей мозг разъела твоя же цивилизация, ты считаешь нас безмозглыми и лишенными мыслей тварями. Но ты ошибаешься, в нас бьёт бешеным пульсом одна, но сильнейшая из всех мыслей, которые тебе доступны, единственное желание – жажда живой плоти.

Ты считаешь моих детей никчёмным скотом, который мешается у тебя под ногами, но который организован намного лучше тебя и подобных тебе, потому что отсутствие эмоций никогда не собьёт каждое моё дитя с пути, в то время, как чувства и эмоции лишь доказывают слабости твоего рода.

Человек, в тщетных попытках ты пытаешься найти вакцину от вируса, который, по сути, был логическим окончанием твоего существования. Ты себя изжил, твоё время истекло, теперь наступает эра моих детей и тебе придётся смириться и умереть. Они не успокоятся

до последней капли крови, до косточки. Мои дети сделают тебя лучше. Ты станешь идеален и увидишь мир нашими глазами.

А в мозгу, в теле твоём будет жить только одна идея, ради которой мы и появились, она будет сотрясать твой разум, она станет твоим озарением и поведёт тебя на край света, как и каждого моего отпрыска. Внутри каждой твоей клеточки отзовется криком: «Мясо! Свежати́на!».

До скорой встречи... человек?

Только я дочитала последние слова, как надпись стала пропадать под пеленой белого тумана, я даже ног своих не могла разглядеть, да и пошевелить ими тоже не могла. Меня поглощала мгла!

Потом я услышала волчий вой впереди, и увидела расплывчатый контур, который приближаясь ко мне, оформился в нечеткий силуэт, человеческую тень.

Уже совсем близко. Я знала, что это Смерть, моя Смерть. Шаги настолько бесшумные, что казалось, тот, кто шёл ко мне, брёл по воздуху. Я чувствовала – ещё несколько шагов и я стану частью этой мёртвой тишины. Ещё мгновение и я встречу со Жнецом лицом к лицу.

И вот ещё чуть-чуть и в белёсой дымке блеснули синим огнем знакомые мне глаза. Волчьи глаза. Он меня нашёл и уже тянул ко мне руку сквозь стену пелены, чтобы ухватить за шею. И я закричала, хоть мой рот и мои легкие затоплял противный влажный воздух с комьями вязкой духоты. Я кричала.

Не помню, кажется, я проснулась с этим диким криком и вскочила с постели. Я уверена, что только чудом он меня не сцапал в том месте. Может это и не сон был вовсе. Мне страшно. Но я должна быть готова. Он не отступиться, но и я тоже не отступлюсь!

Воск. future

– Ты поздно сегодня! – Меня встретил капризный, но радостный голосок Анны.

– Да, ты опоздала на встречу. Мы давно тут торчим с Анной, между прочим. – А это был как всегда ворчливый, с нотками гонора и задатками взросления голос Петра. – Ты забыла про нас?

– Нет, конечно! Детки, как вы могли такое подумать? Я дико извиняюсь, но мне пришлось чуть задержаться. Вы сильно проголодались?

– Есть немного. Но у тебя всё равно нет с собой еды. Тебе так просто не загладить своей вины, мадам Опоздашка.

С тех пор, как у детей появился граммофон, Пётр стал меня звать «мадам», наслушавшись романсов с пластинок. Но меня это лишь забавляет, он говорит это не со зла, хотя и прячется за маской сарказма и безразличия, я знаю это.

– Ну, жареного быка в кармане у меня нет, и у Феликса в банке тоже жаркого не найдете, но кое-что я всё-таки с собой прихватила.

Порывшись в необъятной своей торбе и нарочно притворяясь, что не могу найти искомое, под любопытными взглядами ребятишек я извлекла на свет парочку больших и сочных персиков. У детей глаза округлились и рты пооткрывались, ещё немного и слюна закапала бы.

– Персики? Осенью? – От удивления Пётр аж присвистнул. – Откуда у тебя персики, мадам?

– Это военная тайна, Питер. – Я захихикала и раздала куснятину в детские руки. – У меня ещё есть кое-что не менее вкусное.

– Такой сладкий, Питер, он такой сладкий. – Малышка Анна уже надкусила круглый плод и зажмурилась от удовольствия, только сок стекал с уголков рта.

– Да, персик что надо. Так что у тебя ещё в твоей чудо-торбе? Может банан, или нет, ананас? – Попытался язвить мальчик, но в голосе не было ничего кроме благодарности.

– Ну, ты угадал.

– Да ну? – Он оторвался от персика и недоверчиво уставился на мою сумку.

– Але, ап! – Я извлекла из сумки парочку желтобоких бананов.

– Да ладно! Не может быть! Где ты их нашла осенью? – Мальчик не верил глазам, хотя руки уже тянулись к заветным солнечным плодам.

– Места знать надо. – Я снова не смогла сдержать смеха, глядя на недоумение и изумление в детских глазах. – Приятного аппетита, детишки.

– Спасибо, Лиза. Ты наша фея, – пролепетала Аннушка, доедая персик. – Они как лучики солнца. А ты волшебница, ты нам даришь солнечные лучи.

– Да что ты, Аннушка, – возразила я, улыбнувшись ей. – Я самая обычная. И фрукты обычные.

– Нет, не обычные! И вкусные-превкусные, – ответил мне девчачий голосок.

– Нет, ты всё-таки скажи, где ты их раздобыла? – не унимался Пётр.

– Ты не доволен? – спросила я.

– Да, Пети, ты разве не доволен? Такие вкусные фрукты, сочные. Сказал бы лучше спасибо Лизе, а не устраивал ей допрос, – отчитала брата сестра.

– Всем я доволен. Просто мне интересно откуда они, вот и всё. И да, спасибо, – угрюмо и смущёно, тихо отозвался Пётр.

– Даже у фей должны быть свои тайны. Доедайте фрукты и продолжим изучать азбуку.

– Нет, сегодня мы не будем азбукой заниматься. – Мальчуган, тщательно прожевывая банан и смакуя его на свой лад, не глядя на меня, произнёс это, словно огласил вердикт.

– Это почему же, скажи-ка мне, Питер? Тебе надоело моё учительство? Или просто лень? – Я решила подколоть парнишку его же «шипами».

– Нет, напротив, но дядя Константин настоятельно просил нас, познакомиться его с тобой. – Невозмутимо последовал ответ.

– Да неужели? Откуда ж такое любопытство? Вы что-то ему про меня нарасказали? Я же просила вас обо мне никому ничего не говорить.

– Это не я. Это Анна не удержалась. Ты же её знаешь. Та ещё болтушка! А после того, как мы принесли граммофон домой, нам пришлось признаться, откуда он у нас. Я попытался тебя выгородить и поначалу говорил, что граммофон мы нашли. Но дядя наш не такой уж и глупый, он очень догадливый. Не поверил, а Анну и просить не пришлось, ей уже давно хотелось всё рассказать. Вот поэтому дядя Константин и наказал, чтобы мы непременно привели тебя в гости. Он очень хочет познакомиться. Ты не бойся, он хороший. И тётя Мария тоже. Ты им понравишься, – Пётр доел банан, и смотрел на меня выжидающе.

– А я и не боюсь, Питер. Просто не всем людям нужно знать обо мне.

– Но почему? Ты вроде нормальная и не такая, как большинство взрослых.

– Спасибо за комплимент, Питер. – Я улыбнулась мальчику. – Но может в следующий раз?

– Нет! – громко пискнула Анна. – Дядя сказал, что сегодня ждёт тебя, Лиза.

– Хорошо, пошли, ведите меня знакомиться с дядей и тётей. Мне тоже интересно посмотреть, где вы живете. Правда, на мне нет самого нарядного платья.

– Ура! Лиза и Феликс сегодня будут в гостях у нас! Ура! Лиза, ты и без платья очень красивая. – Аннушка запрыгала от восторга, а ее рыжие кудряшки пружинили на голове в такт.

До селения, где жили сироты, идти оказалось не долго. Минут за двадцать мы покинули развалины городка, ставшие нам родными за время общения. Потом спустя минут десять мы петляли меж редких деревьев по еле видной тропке в порывавшей и повядшей высокой траве, пока наконец-то не вышли на пригорок, с которого открылся вид на маленькую колонию из

уютных добротных домиков с оградками. Даже не верилось, что этот островок жизни возник после катастрофы, унёсшей в небытие цивилизацию на всей планете. Казалось, что эти домики были здесь всегда, так органично они сливались с опушкой соснового леса, стоявшего надежным тылом на охране этих крохотных жилищ.

Однако, при приближении строения оказались не столь малы, а даже весьма просторными и украшенными каждым хозяином на свой вкус. Дом, приютивший сирот и ставший их новым жильём, стоял у самой опушки и в окнах-глазницах его горел свет.

– Нас уже ждут. И тебя тоже, мадам, – произнес задумчивый Пётр.

– Не пугай меня так. – Я попыталась придать весёлости голосу.

– А я думала, что феи ничего не бояться. – Аннушка качала моей рукой, за которую держалась.

– Даже феям бывает страшно. Иногда. Но я же не одна. Вы со мной. – Я подмигнула ей.

– Да, мы с тобой. Не бойся, мы тебя в обиду не дадим.

Всем бы такое рыжее солнышко в друзья!

Наконец мы прибыли на место: широкий одноэтажный деревянный домик с трубой, из которой всюду валил дым, встретил нас окном с приглушённым занавесью светом и мужчиной на крыльце.

– Дядя, дядя, мы её привели. Она пришла! Дядя! – Ручка отпустила меня, и девочка ринулась навстречу хозяину домика, который поднялся со ступенек нам навстречу.

– Вижу, вижу, малышка. Умница. – Он подхватил её на лету и закружил вокруг себя, Аннушка заливисто смеялась.

Мы с Петром подошли к крыльцу, мужчина остановился и выпустил из рук девочку. На меня смотрел молодой, средних лет, высокий, широкоплечий мужчина, одетый в тёплую куртку, ватные штаны и ботинки, явно шитые вручную. Его длинные волосы, забранные за спиной в хвост, отливали огнём в свете предзакатного солнца. Лицо же загорелое и зачерствелое на ветру, было чем-то даже притягательно – высоким и широким лбом с пересечениями морщин, прямым подбородком с выдающимися скулами и пронзительными тёмно-маслянистыми глазами из-под густых бровей. От него исходил тонким шлейфом крепкий, но не раздражавший обоняния запах табака вперемешку с хвойными нотками.

– Значит, вы и есть та самая фея. – Хозяин протянул мне руку. – А я их дядя. Но лучше зовите меня по имени, Константином.

– Очень приятно. А моё имя – Лиза. Но, боюсь, что я никакая не фея. – Я пожала сухую мозолистую, но приятно теплую ладонь.

– Как знать. В наши дни человек, раздобывший такой аппарат, вполне может оказаться не то что феей, а самим чёртом. – Мужчина неожиданно рассмеялся, его раскатистый и даже громоподобный смех накрыл, казалось, все дома в округе.

– Лучше тогда я буду феей.

– Мария! Выйди скорее! Фея наших племяшей пришла к нам в гости, – звучно позвал хозяин.

Из дома на крыльцо вышла женщина приблизительно одних лет с мужчиной, ниже его ростом, при пышных формах, с наброшенной на плечи вязаной шалью. С тёмными, оформленными в кичку волосами, с простыми и бесхитростными чертами лица, но, тем не менее, с приятной улыбкой, она спустилась к нам по ступеням и с должным уважением протянула мне руку. Меня тут же окутало ароматное облако сдобы, приправ и сливочного масла – самые домашние и родные запахи.

– А вы и есть та Лиза? Очень приятно наконец-то с вами познакомиться. Анна так вас нахваливала, так нахваливала. Говорила, вы её учите азбуке, а сами читаете ей и Петру книги, – оживлённо заговорила женщина.

– Ну что вы. Мне просто приятно это делать, да и им тоже.

– Мария, женщина ты неразумная, ты чего госте мозг поощешь? Где твоё гостеприимство? Совсем позабыла, как следует гостей принимать. Уж простите мою жёнушку, редко наш дом принимает гостей, вот и разучилась эта женщина совсем. – Константин устроил шуточный разнос жене, я видела, что смотрит он на неё с любовью, а на людях это была своего рода игра.

– Да-да, конечно, правда твоя. Проходите в дом скорее, у нас ужин вот-вот готов будет. – Женщина засуетилась, и мне пришлось её аккуратно взять за руку и приостановить.

– Не волнуйтесь вы так. Я не какая-то эдакая особа, чтобы из-за меня так полошиться. Мы всё успеем, ведь нам некуда спешить. Не правда ли? Или у вас есть ещё какие-то дела в этот вечер?

– Дела? Нет, мы всё уже сделали на сегодня, – ответил хозяин. – Только ещё не поужинали.

– Ну, вот и прекрасно. Лучше покажите мне ваши владения. Мне так интересно, как живут ваши племянники. А потом мы приступим к вашему прекрасному и, безусловно, аппетитному ужину, милые хозяева.

Мне любезно показали небольшой огородик, который уже пустовал к этому периоду года, за исключением мелких хризантем-октябринок весёлыми пятнышками радовавших глаз на круглой клумбе. За домом размещался сарай, в угловом вольере которого жили курицы со своим ненаглядным петухом, а противоположно за перегородками содержалось несколько коз, снабжавших семейство молоком. Тут же я и познакомилась с единственным ребёнком Константина и Марии, Агатой, девочкой десяти лет. Она мне показалась не особо разговорчивой и угрюмой, но в присутствии родителей всё-таки поздоровалась со мной.

После мы вернулись к дому. Внутри он оказался прост, как и снаружи, никаких излишеств и причуд. Всего три помещения, не считая чердака, одно вмещало кухню и столовую, а два других, поменьше – спальни для взрослых и детей. Аннушка тут же потащила меня в комнату, где жили они с братом.

– А Агата с вами спит в комнате? – спросила я у малышки.

– Да. Но она такая тихая, что иногда мы её не замечаем вовсе, и нас как будто всего двое.

– Но почему она такая тихая, Аннушка? Вы с ней не дружите?

– Она с нами не дружит. Я ей не раз предлагала играть с нами и пойти в город, но она просто молчит и уходит к своим курицам. Ей с ними интереснее.

– Тут что-то не так, милая. Девочка так запросто не променяет дружбу с другими детками, если нет на то веских причин. – В ответ Анна просто пожала плечиками.

Тут нас призвал к ужину звучный голос Константина. Стол хоть и небольшой, но зато добротной сколоченный и аккуратно оббитый кожей, по случаю был покрыт клеёнчатой скатертью, бог знает как дожившей до этих дней. В центре её стояло огромное блюдо из отварного картофеля и запечённой курицы, забитой в честь моего прихода. Напротив каждого члена семьи стояла глиняная миска, в которую каждый сам накладывал столько еды, сколько хотел. Я положила пару картошин, и оторвала от аппетитной курочки крылышко с золотистой хрустящей корочкой. Мария подала мне хлеб, нарезанный большими кусками, кстати, хлеб был что надо. Тут же на столе высился глиняный кувшин с молоком, которое разлили всем присутствующим в кружки. В добавление к яствам на скатерти появились сочная белоснежная брынза с нежнейшим сливочным маслом, которые я нанесла приличным слоем на свой кусок хлеба. Не ужин, а фантастика.

– Что-то вы не особо налегаете на еду. – Мария подозрительно осматривала содержимое тарелок Анны и Петра.

– Это я виновата. Я не знала, что нас ждёт такой великолепный ужин и угостила детей фруктами. – Мне стало даже неловко.

– Фрукты в такое время? – Константин с недоумением посмотрел на меня.

– Да, дядя, она принесла нам вкусные персики и бананы, – зашебетала Анна.

– Если бы я знала, то принесла бы всем. Но у меня есть с собой немного кофе, – попыталась я сказать что-либо в свое оправдание.

– Кофе? Да вы точно фея, Лиза. – Константин улыбался и перемигивался с детьми. – Мы кофе не пили года два, наверное. Его так трудно достать в наших краях. Вы точно фея или безумная богачка.

– Ну, вот. И почему меня так постоянно называют. – Я состроила печальную физиономию, но долго продержаться не смогла и рассмеялась вместе со всеми, кроме Агаты. Девочка не поддавалась общему веселью, и казалась скорее вынужденно терпящей застолье, чем принимавшей в нём участие.

– Давайте ваш кофе, Мария сварит его на костре. Да, милая? – Хозяин уже принимал от меня мешочек с темным и душистым содержимым.

– Конечно, муженек. Сейчас только в лес схожу, сучьев насобираю, разведу костер и ублажу твою душеньку. – Женщина с ехидцей в голосе, но смешинкой во взгляде убирала посуду со стола.

– Вот так всегда. Чуть что попросишь и в ответ одна язва. Мне досталась язва в жены, а не ангел. – Подыгрывал жене Константин.

– Ну-ну, а мне ленивый муж. Не может костра развести для гостыи.

– Господи, и что я нашел в этой женщине? Что меня в ней привлекло и привлекает до сих пор?

– И что же? – Мария уперев кулаки в бока, подошла к мужу и смотрела снизу вверх, сощуриив глаза.

– Твой ангельский характер, милая. – Константин наклонился и чмокнул жену в лоб.

– Подлиза. – Она улыбалась и подставила щеку. – И сюда тогда.

Муж, не раздумывая, приложился к щеке, а потом и к губам жены.

– А теперь сварим кофе для нашей гостыи, дорогая женушка. – Константин ушёл во двор, а Мария проводила его взглядом до порога.

– И чтобы я без него делала, – произнесла она и тут же с лукавой улыбкой прибавила. – Только ему не говорите, а то заважничает.

Я заверила её, подмигнув и проведя пальцами по линии губ, что буду нема, как рыба.

– Как странно, – сказала я. – Я обещала Анне и Петру, что мы сварим кофе на костре. И что же? вы тоже собираетесь варить его на костре. Это совпадение или нечто большее?

– Ах, Лиза, – ответила хозяйка, она уже измельчала пестом в деревянной ступке кофейные зёрна. – Признаюсь, племянники поведали нам о вашей затее. Но мы и вправду частенько любим посидеть вечерком у костра во дворе. Сейчас это случается уже реже, воздух уже не так мягок, а ветер всё жёстче. Но по особым поводам мы можем позволить себе устроить чаепитие или просто посидеть у огня. Это сплачивает особо и крепко. А сегодня к тому же такой повод – к нам в дом пожаловал кофе, собственной персоной. Вот радость-то для муженька! Он страсть, как любит кофе. Ещё вопрос – у кого праздник сегодня.

Дети позвали меня на улицу, Мария обещала присоединиться к нам следом. Вновь облачившись в тёплую одежду, мы выбрались за пределы света и тепла навстречу ночи и осеннему холоду.

Подобного уютного и домашнего костра я ещё нигде не видела. На противоположном конце огородика из камней был выложен круг, в котором и разжигали по вечерам пламя. А на безопасном расстоянии по окружности стояли низенькие прочные табуреты, которые заранее дети вынесли из сарая.

Константин быстро разжёл огонь, а Мария пересыпав размолотый кофе в металлический чайник, закопчённый от частого пользования, добавила туда воды и каких-то специй. Затем кухонную утварь подвесили за металлический прут, который крепился на двух приземистых колышках.

Вскоре это поистине колдовское зелье было готово, а заботливые руки хозяйки ловко разлили ароматное содержимое чайника по маленьким глиняным чашкам. Я получила свою порцию и вдохнула запах свежесваренного кофе. Поверь, незнакомец, у него не такой запах и вкус, как у домашнего или ресторанного напитка. В подобном присутствует некая дикая нотка, которую кофе получает от костра. Это просто непередаваемо.

– Пётр, будь добр, принеси граммофон. Думаю, немного музыки не помешает на тихой улице. – Константин пригладил взъерошенные волосы племянника.

– Да, дядя. – Глаза мальчика светились двумя искорками в свете костра.

Через пару минут мы смаковали вкуснейший кофе под аккомпанемент романтического аккордеона и грустного проникновенного голоса певца, записанных для нас бог знает когда. Лёгкий ветер ерошил волосы, солнце давно село и мягкая темень укрывала всё вокруг, кроме этого пятачка, маленького островка живого света. И это было сказочно.

Я смотрела на детей, Анна и Пётр сидели напротив меня, по другую сторону костра и прижимались бочками друг к дружке, Агата чуть поодаль от них уютилась на своей табуретке и задумчиво смотрела на небо.

– Агата, она замкнута, я заметила. Что-то плохое произошло с вашей девочкой? – спросила я у сидевшего рядом Константина.

– Всё непросто с этой малышкой. Знаете, у неё был младший брат, Павел. Они были так дружны.

– Что случилось?

Он ответил не сразу, прежде сделав длинную затяжку из курительной трубки, табак в которой чадил уже несколько минут.

– Два года назад, летом, дети отправились на малый пруд, что за домом нашим, там они любили купаться. Оба хорошо плавали. Но в тот день это не спасло одного из них. Павел угодил в водоворот и его затянуло. Агата пыталась его вытянуть оттуда, но сама чуть не последовала за ним... И ведь самое странное, что глубина-то в пруду не более метра. Я до сих пор не могу понять, как семилетний ребенок мог захлебнуться на такой глубине, когда он сам был выше метра? Агата крайне тяжело это перенесла и до сих пор винит себя в гибели брата. Мы с женой всячески пытались объяснить, что её вины в произошедшем нет, что это случай, жестокий и странный, но случай.

– Бедная девочка. Вот почему она сторонится Анны и Петра. Они ей напоминают о её брате, – проговорила я.

– Да, думаю, что она ещё не скоро смирится с утратой. Я и сам не могу забыть его... – Мужчина перевёл дыхание и добавил тихо. – Но Слава Создателю, она у нас есть, а даст жизнь, и ещё будут дети.

– Вы так добры, Константин, вы и меня приняли очень радушно, я право даже удивлена потому, что в наше время так чужака редкие добрые люди встретят и примут.

– Это всё Пётр. Да-да, именно этот парнишка за вас молвил словцо. И поручился за вас, что вы порядочная и не такая, как остальные, – ответил хозяин.

– Неужели Петр? Подумать только! Он такой скрытный временами и с шипами, я не всегда могу найти подход к нему.

– Но нашли же. Он очарован вами, Лиза, если вы этого ещё не заметили. Просто не всё так просто с этим мальчиком, прошлое давит на него слишком сильно, дайте ему время и увидите какой он.

– А что вы можете рассказать о нём? Всякий раз, когда я его прошу поведать о себе что-нибудь, он начинает язвить, огрызаться и прятаться в свою любимую раковину сарказма. – Граммофон уже проигрывал веселый мелодичный голос-колокольчик из французского варьете.

– Не знаю, в праве ли я вводить вас в курс прошлых лет этого мальчика, ну, да ладно, думаю, что ничего страшного не будет, да и вы его лучше поймете.

– Вы меня заинтриговали, сударь, я вся к вашему вниманию.

– Ну, так вот, во-первых, Петр мне племянник не по крови. У него были другие родители, и эта история началась аж десять лет назад. Но всё по порядку. – Константин достал увесистую трубку, набил её табаком, прикурил от горящей ветки и продолжил повествование.

Первых родителей Петра звали Элейна и Лот Бенвик. Десять лет назад прибыли они с трехлетним сынишкой Галахадом в предместье города Авалона, что находится в восточных землях Уолверта, дабы примкнуть к некой женщине по имени Мэрилин. С ними был их друг Артур Пендрагон. В то время управлял Авалоном некий Медрод, ужасный деспот и садист, он и устроил в ночь приезда друзей кровавую бойню. Было перебито немало женщин, но куда больше детей. В ту ночь Галахад потерял обоих родителей. Лот был сражён рукою Медрода, спасая Моргана, сына этого злодея. Подумать только – отец отрёкся от единственного сына и хотел его убить!

Элейна не узнала о кончине любимого мужа, её настигла пуля, когда она в спешке покинула вместе с другими перепуганными людьми лагерь. Смертельно раненую женщину с ребенком на руках подобрала одна юная чета, сами ещё подростки, они погрузили Элейну в повозку и вывезли за пределы бойни. Это были Зоя и её муж Михаил, родной брат Константина. Не приходя в сознание, мать Галахада покинула этот мир вслед за мужем, оставив своё дитя в мире живых. Зоя не хотела бросать малыша и уговорила Михаила принять мальчика, как родного, что он и сделал. Так как имя ребенка новым родителям было неизвестно, ему дали второе имя – Пётр.

Пара взяла самые необходимые вещи и отправилась по секретному тоннелю вслед за Мэрилин в южные земли. Но далеко они не пошли, посчитав, что будет погоня, Михаил счёл разумным направить путь на северо-восток, где было тихо в ту пору. Там, в мирной и уютной долине, на стыке северных гор и степных полей, обосновалось юное семейство в покое и умеренном довольстве. Вместе с другими юнцами, пришедшими вместе за ними, Михаил и Зоя основали поселение, которое наименовали Брангом. Там же после долгих поисков их разыскал Артур, чудом уцелевший в бойне под Авалоном. Он то и поведал всю подлинную историю Галахада-Петра его новым родителям. Они условились – мальчика Артур забирать не будет, но и препятствовать его встречам с «дядей», так впоследствии стал называть Пётр друга своего первого отца, родители тоже не будут.

Пётр смутно помнил Лота и Элейну, но благодаря Артуру, узнал о них больше. Приёмные родители не были против того, чтобы их сын знал всю правду, так они считали, будет вернее и честнее для мальчика. К слову, он предпочёл оставить себе второе имя, но про первое помнил постоянно.

Через четыре года в семье Михаила произошло радостное событие – родилась девочка, первый и как потом оказалось, единственный ребёнок Михаила и Зои. Имя малышке доверили дать Петру, как старшему брату. По чудесным и непонятным причинам, дитя родилось с рыжими волосами, хотя родители оба были темноволосы от природы. В этом был увиден особый знак родства обоих детей, и мальчик назвал девочку Анной, в честь пропавшей во время апокалипсиса младшей сестры дяди Артура.

И вот, когда Анне исполнилось шесть, а Петру тринадцать лет, случилось новое несчастье. На Бранг, где вполне счастливо проживало семейство, напала банда разбойников, учинившая грабёж и убийства. Дома поджигались, скот истреблялся, люди в панике бежали, спасая свои жизни. В этой дикой и бессмысленной бойне Анна и Пётр потеряли родителей. Детям удалось спрятаться в поле среди травы, вжавшись в землю, а когда стемнело, и лиходеи покинули разорённое, обездоленное селение, брат с сестрой осмелились вернуться к тому, что оста-

лось от дома. Там и нашли они остывшие тела матери и отца, изрубленные топорами и оставленные гнить посреди двора дома. Так Галахад-Пётр потерял родителей второй раз.

Выкопав две неглубокие могилы, мальчик похоронил мать и отца, а затем, взяв напуганную сестру за руку, направился из Бранга к дяде. Более месяца дети блуждали окольными дорогами, а иной раз, уходили и с них, боясь напороться на тех самых лиходеев. Только Создателю известно, как им удалось добраться до селения, где жил Константин. Он был крайне опечален гибелью брата и его жены, но не менее рад благополучному спасению племянников, которым сразу нашлось место в доме и в сердце. Ещё долго соседи судачили и обсуждали поистине опасное путешествие и счастливый исход двух сирот. Но Константину и Марии не было никакого дела до слухов и мнений этих людей.

– Как видите, у Петра немало причин не доверять взрослым людям, но вы стали исключением. Цените это и принимайте, как особое доверие и особое расположение, – закончил грустную историю Константин.

– Бедный мальчик, сколько же ему выпало. Неудивительно, что он стал немного чёрствым и колючим. Так даже лучше. Иначе они с сестрой могли не дойти до вас.

– Вот именно. Но не вздумайте его жалеть. Этого он не приемлет ни в коем разе, – предостерег меня хозяин, докуривая трубку.

– Я и не думала. Сама не допускаю жалости в свою сторону и не отравляю ею жизнь других людей. Но теперь я понимаю этого мальчика куда лучше, чем до вашего рассказа. Спасибо вам, Константин, это поможет мне в дальнейшем в общении с Петром.

– Вам бы ещё для общего дела с его названным дядей поговорить. Тот лучше всех парнишку чувствует и знает. Он слишком много знает. Правда, бывает в наших краях не часто.

– Артур нашёл детей и здесь?

– Да, кто бы сомневался. У этого чудака особый нюх на Галахада. Он его, по ходу, и под землёй найдёт. Чувствует, как говорит, особую ответственность за мальчика перед умершим другом. Будто смерть Лота повязала их невидимой нитью. Но помимо прочего, Артур – наш близкий друг и навевается к нам от случая к случаю.

– А какой он, этот Артур?

– Если будет такой случай, то узнаете, но сразу хочу вам сказать, что этот Артур не подарок. Он такой же сложный, как и Пётр, у него своя увесистая витиеватая раковина. Такие люди привлекают, ох, как сильно привлекают. Но счастья подарить не смогут.

Константин закончил с трубкой, а затем семейство дружно пошло в дом. Я распрощалась с ними, и они отпустили меня лишь с крепким обещанием отныне навещать их дом, на что я и согласилась с удовольствием, а затем покинула это гостеприимное место до следующего раза.

V

Ср. past

Да, да. Я слышу в своей голове твой вопрос, бьющий своей очевидностью и давно назревший по ходу моего повествования. А почему, собственно, я появляюсь в будущем и вижу с детишками в строго определенные дни? Ведь я же могу, вернувшись обратно домой, тут же возвратиться туда снова. Это же элементарно, Ватсон!

Всё также очень просто. Наблюдателю нужно быть предельно осторожным со своей силой, злоупотребление может стоить ему жизни. Если попробовать провернуть ход с возвращением из будущего с секундной задержкой в условном настоящем, а как я уже объясняла, что настоящее существует только в «стопорном моменте», то назревает большая вероятность заикленности и попадания во временную петлю, которая является такой же ловушкой для наблюдателя, как и временной водоворот. К тому же при подобных рискованных прыжках силы

истончаются до предела, их может попросту не хватить, чтобы вырваться из петли. Существуют старые и неписанные правила, проверенные чересчур многочисленными годами и им необходимо придерживаться. А посему ответ очевиден: так надо, чтобы не пропасть, не затеряться в уголках бесконечного тик-так.

Чем. past

С той поры, как мы с Кливлендом Вайсманом впервые прогулялись в городском парке, минуло, бог знает сколько времени. Мы стали периодически навещать этот удивительный уголок зелени в самом сердце каменного города, по душе нам были уединённость и свобода, которые мы нигде больше не могли обрести в той мере, как в парке. Конечно, чтец, ты сейчас задашь самый очевидный вопрос – раз мы наблюдатели, то почему бы нам не перемещаться в другое время и другие места, где нашим беседам никто не стал бы помехой? Кливленд сразу оговорил, чтобы не было никаких перемещений. Он устал порядком от них и хотел наслаждаться общением здесь и сейчас. Я с ним согласилась.

Та скамейка, что ютилась под тенью солидного вяза чуть в стороне от прогулочной дорожки, где я впервые поведала Вайсману о знакомстве с Нагом, и стала нашей любимицей в последующих встречах беседах.

И сегодня, накануне условившись о времени, мы встретились у нашей «деревянной подружки», так окрестил её «профессор», чтобы продолжить беседу, которой не было конца и края. Если кому-то со стороны это может показаться предосудительным и чем-то неправильным, то мне наплевать на это. Для меня и Кливленда наше общение и, в первую очередь, дружеские отношения стали большими, чем «учитель и ученица», они скорее переросли в более родственные «дед и внучка». Стоит помнить, что наблюдатели одиноки всю жизнь и не имеют права на создание семьи. Это самое жестокое ограничение за силу, которой мы наделены с рождения. Мистер Вайсман постиг это в полной мере, потеряв свою Веронику и прожив жизнь в тени воспоминаний. А я? А у меня всё это впереди. Но никакие законы природы или высшие материи не могут запретить двум наблюдателям привязаться, дружить и заботиться друг о друге. Это нигде не прописано и не оговорено. Я очень уважаю этого мудрого и добрейшего человека, а он восхищается моими похождениями, проделками и всячески меня подбадривает, когда мне становится особенно одиноко и грустно. Вот я и подыскала точное название наших отношений – мы подбадриваем друг друга.

– Ты сегодня какая-то задумчивая, Лиза. Что-то не так? – Кливленд держал в руках бумажный кулёк и протянул его мне, внутри чернели семечки подсолнуха. – Угощайся. Вредные, но зараза, такие вкусные, не могу оторваться. Попробуй, приобрёл у одной приличной дамы в восточном крыле рынка. Она обещала, что я не оторвусь от них, пока не съем всё до последней семечки.

Дамами «профессор» всегда называл всех женщин без исключения, не делия их по возрасту и статусу. Он был интеллигент и джентльмен по своей сути.

– Да, семечки, что надо. Та женщина вас не обманула, но увлекаться так всё-таки не стоит.

– Тогда помоги старику добраться до последней семечки, а то у меня такое ощущение, будто меня околдовали. На Кливленда Вайсмана наложено проклятие «последней семечки». – Он таинственно посмотрел на меня, а потом рассмеялся.

– Ну что ж, профессор, придется вас расколдовать и не позволить вам стать жертвой той колдуньи с рынка. – Я присоединилась к его сухонькому, но заразительному смеху. Этот человек знал, когда и как развеять мрак, скапливавшийся на душе.

– Вот такой ты мне больше нравишься, милая. Так что же тебя беспокоит, ты поделишься со мной?

– Помните, я вам рассказывала про семейство из будущего?

– Брат и сестра. Анна-Златовласка и её брат ворчун то ли Пётр, то ли Питер, то ли ещё кто.

– Да, это они.

– Так и что с ними?

– Не с ними, а с их сестрой.

– У них разве ещё сестра есть? Ты же говорила, что их только двое.

– Это дочь Константина и Марии, Агата. Она кузина этих детишек.

– Так, ну теперь я более или менее понял. И что с этой Агатой?

– Эта девочка потеряла два года назад младшего брата и с тех пор замкнулась в себе.

Никого не подпускает близко, ни с кем не дружит и не общается. Я хочу помочь, но не знаю, как это сделать.

– Так вот оно что. Лиза, послушай, ты не увлекаешься ли чересчур с этими детьми? Я начинаю серьезно беспокоиться за тебя.

– Кливленд, но я же не делаю ничего предосудительного, я всего лишь...

– ... влияешь на их жизнь. – Продолжил он за меня. – Пойми, любое твоё действие, пускай и благое, может оказать большое последствие в будущем этих людей. Каждого из них. Подумать только, воздействовать в будущем на будущее.

– Пускай и так. Они больше не чужие мне. Аннушка стала мне больше, чем просто сестра Петра.

– Ты привязалась к ней, как к своему ребенку, которого, увы, у тебя не будет. Прости. – Он отложил кулек и взял мои руки в свои сухие худые пальцы. – Я тоже к тебе привязался, дорогая, но я, как и ты всего лишь наблюдатель. У меня не было дочери, не было внучки. И ты заняла эти пустоты, эти пробелы, нанесённые мне временем. Я не прощу себе, если ты совершишь ошибку и усугубишь свою жизнь. Время беспощадно и жестоко, но законы свыше ещё жёстче. Они не прощают и не забывают. Тебя и так преследует из прошлого нелюдь, так неужели ты хочешь ещё и в будущем себе неприятностей? Подумай, Лиза.

– Знаете, лишь поговорив с вами, я теперь утвердилась в том, что иду по правильному пути. И пускай он будет короток и тернист, но другого я и не хочу. Если судьба свела меня с этими детьми, значит, не с проста, значит, я им нужна именно сейчас. Профессор, вы когда-то упоминали, что бывали очень редкие случаи, когда наблюдатель становился хранителем. Так вот, возможно я как раз и есть тот самый случай.

– Ох, Лиза, Лиза. Маленькая отважная девочка. Ты не представляешь, как можешь заблуждаться. Досконально неизвестно, на самом ли деле были такие прецеденты или это все мифы. Подумай, возможно, цель не оправдывает риск.

– Вспомните, Кливленд, слова Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». И это относится ко всем, тем более к нам с вами. Я в ответе за доверие и любовь этих детей. Возможно, я ошибаюсь, возможно, я заблуждаюсь, но это мой выбор, моя дорога и мне нужна будет только ваша помощь, ваши бесценные советы, чтобы не терять свет во мраке, который меня будет преследовать. Вы не откажетесь, профессор, вы поможете мне, когда я обращусь к вам? Вы поддержите меня, когда сомнение покачнёт чашу временных весов?

– Дорогая девочка, я помогу тебе всем, чем смогу. Хоть ты и наблюдатель, но храбрости тебе не занимать, а сердце у тебя чистое и большое, как у хранителя. Рассчитывай на старика Кливленда Вайсмана в полной мере.

Пям. future

Я встретила с ним второй раз в том месте, где земля встречается с небом, где душистые травы и разноликие цветы соприкасаются с молочными облаками. На высоком диком пригорке в южных знойных землях Уолверта, страны печально известного мне будущего.

Я не хотела бродить как обычно по останкам домов, нет, я выбрала этот отдалённый уголок, чтобы просто затеряться среди буйной зелени на несколько часов и лежа обдумать все непростые мысли, что в последнее время давили на меня мощнейшим прессом. Среди изумрудных трав, слегка тревожимых разгорячённым ветром, всё стало таким простым и несущественным, будто и не было всех этих бесконечных погружений во время, этих бешеных скачков по пространствам. Я была чиста и невесома, а надо мною разливалась бескрайняя река, по которой плыли пушистые сливочные цветы на любой взыскательный вкус.

Он подошёл неслышно, как и в первый раз, и лишь тень его, внезапно нависшая надо мною, деликатно дала знать о его прибытии. Я открыла глаза и увидела перед собой силуэт, застилавший солнце.

– Не ожидал вас здесь увидеть. Это место разительно отличается от развалин дома, и хоть и выглядит диковатым и тихим, но есть большая вероятность наткнуться в этих местах на людей, куда более дичайших, нежели этот пригорок. – Он отошёл на пару шагов и солнечный свет меня тут же ослепил. – Позвольте присесть рядом?

Хоть мы и не виделись несколько месяцев, я узнала ту бейсболку, повернутую козырьком за спину, изрядно поношенные джинсы и куртку, а главное тот проникновенный голос и пронзительную синеву глаз.

– Пожалуйста, места тут всем хватит. – Это всё, что я смогла выговорить в тот момент, если честно, то я была слегка шокирована этой неожиданной встречей.

– Благодарю вас. Честно, не ожидал вас здесь застать. – Он уселся по левую сторону от меня и стянул с головы бейсболку.

– Вы не представляете, как эта встреча неожиданна и для меня. – Я неотрывно следила, как он с явным удовольствием ерошил слежавшиеся под кепкой светлые пряди, едва достигавшие плеч.

– Надеюсь, не испугал? – Снова эта нотка сарказма в голосе.

– Да нет, я не из пугливых.

Он лёг на спину и, закинув руки за голову, потянулся, теперь его голос уходил в небо, но обращён был ко мне.

– Хорошее местечко, тихое и обзор неплохой, если не лежать на спине.

– А вы никогда не расслабляетесь? – Я краем глаза заметила, как он лениво повернул лицо в мою сторону.

– Ну, почему же. Сейчас я как раз этим и занимаюсь.

– А серьезно?

– Я серьёзен, сударыня. Дальше некуда.

– Помните, вы мне обещали в прошлый раз, что назовёте своё имя, если судьбе будет угодно, чтобы мы встретились. Помните?

– Я всегда помню всё, о чём говорю, сударыня, тем более о собственных обещаниях.

– Ну, так я узнаю ваше имя? – Теперь я повернула лицо в его сторону, но он, то ли изучал облака, то ли игнорировал меня.

– А собственно, чем вам интересно моё имя? Оно вам скажет многое обо мне или вы со мной не будете разговаривать без него? – Откровенный смешок с его стороны.

– Просто интересно. Да и удобнее обращаться к человеку по имени, так доверительнее что ли и по-человечески. – Я не знала даже как объясниться.

– Я же вам сказал в прошлый раз, как меня звать лучше.

– Да, но Собиратель книжных душ, согласитесь, слишком помпезно, да и вычурно. Я привыкла обращаться к собеседнику по настоящему имени, а не по прозвищу.

– Вы так настойчиво хотите узнать моё имя, хотя сами не представились.

– Меня зовут...

– Нет! Стойте, я хочу сам угадать. Пока не знаешь имя человека, то сам он, равно, как и его имя представляют загадку, ребус, который нужно отгадать, подобрав правильный ключ.

– А вы любите загадки, как я поняла.

– Точно так. Кстати, где ваш верный спутник? Не успел далеко убежать? – Его васильковые глаза излучали смех, в то время как губы были чуть изогнуты еле заметной ухмылке.

– Феликс? Блин! Я совсем забыла, что он рядышком. Ой! – Я представила, что он лёг как раз на моего бедолагу-друга. – Вы могли его придавить случайно.

– Ничего подобного. Я бы почувствовал треск раковины. Не падайте в обморок, сударыня. Сейчас найдём вашего дружка в целости.

Мы оба встали и принялись обыскивать траву, но Феликса не было видно. Пока я предавалась отдыху, этот проказник улизнул в неизвестном направлении. Представляешь, незнакомец, какой нерадивой и невнимательной я себя почувствовала?!

– Я нашёл беглеца. – Собиратель книжных душ стоял на корточках перед особо пышным островком травы. – А ваш Феликс не дурак, выбрал самую сочную и высокую зелень на этом пригорке.

Мой друг сидел под широченным листом лопуха и как раз трапезничал им, когда его обнаружили.

– Спасибо вам огромное. Я и в правду о нём позабыла, так расслабилась под этим небом и солнцем. Если б не вы, я бы ушла без него. – Недовольная улитка перекочевала в контейнер, правда с листом.

– Он бы не пропал здесь. Еды ему одному здесь прорва.

– Да, но я бы переживала за него. Птицы, звери, да мало ли что ещё. Он всё-таки мой друг.

– Повезло ему, что есть у него такой преданный друг в вашем лице. – Молодой человек снова натянул бейсболку на голову.

– Вы уходите?

– Да, мне пора.

– Но вы же совсем не отдохнули.

– А мне много и не нужно. К тому же меня ждут где-то книги. А вот время ждать не будет. – Он протянул руку, кисть была как и прежде, обтянута кожаной митенкой. – Был рад снова с вами свидеться, сударыня.

– Я тоже. Меня зовут Лиза. – Я вложила ладонь в его пальцы, пожатие оказалось мягким и чертовски приятным.

– Красивое имя и очень вам подходит. Мне пора. Удачного вам дня, сударыня и вашему другу. Не теряйте его. Друзей трудно найти, но потерять очень легко.

– Спасибо, но я узнаю наконец-то ваше истинное имя? Вы же мне обещали.

Он уже был ко мне спиной и успел сделать несколько шагов вперед, но приостановился и обернулся. Улыбаясь ребячливо, он произнёс:

– Если это так важно для вас, то зовите меня Артуром, друзья же зовут Арти. Но только друзья.

– А можно вас назвать по имени в следующий раз?

– Если судьбе будет угодно, сударыня, то зовите. – Он скрылся так же внезапно, как и появился.

Суб. past

Думаю, незнакомец, настал момент, разъяснить тебе об Уолверте, если ты только не живёшь в пределах его нынешних земель. Но история такова, что её необходимо пересказывать, дабы не забывать.

Появлению Уолверта в отдалённом будущем для меня (или в прошлом – для уважаемого жителя этой самой страны) предшествовало многое, хорошее и плохое. Бесконечные войны по всему земному шару, чудовищные пандемии болезней из-за стремительно мутировавших вирусов – это, естественно, сделало определённый вклад по сокращению населения Земли.

Но истинным создателем Уолверта стало ускорившееся потепление, вызвав массовое таяние ледников. Воды мирового океана, получив увесистую прибавку, нахлынули на сушу по всему миру. С устрашающей скоростью вода захватывала материки, навсегда погружая многие известные страны в своё ненасытное чрево.

Вдобавок к нашествию водной стихии присоединился бунт самой земли. По континентам прокатились циклическими волнами землетрясения; гигантские цунами, словно мифические чудовища насланные древними богами, нападали на беспомощные города, стирая надежду и топя всё живое.

Но мир уцелел. Да, погибла добрая его половина, но люди выстояли, а главное, знания и опыт остались при них. Территории некогда великих держав значительно уменьшились в размерах, алчная вода не сдавала позиций, но отхватив колоссальный куш, остановилась в определённых границах. Многие страны исчезли, суша сократилась до трёх континентов и группы крупных островов.

Цивилизации грозило падение, и необходимо было спасти то, что уцелело. Тогда-то главами уцелевших народов был организован знаменитый съезд, вошедший в новейшую историю, как Величайший Исход. На этом знаменательном собрании было единогласно решено, что лишь объединение всех оставшихся земель в одно целое поможет выжить человечеству и не позволит привести в упадок его дух.

На каждом континенте было сформировано единое государство, вобравшее в себя все страны, что благополучно пережили беспощадный натиск воды. В результате мир получил три крупнейшие державы за всю историю, какая известна нашему человечеству. Одна из них получила имя Уолверт, вторая – Логрес, а третья – Кадор и разделяла их, как и прежде, бесконечная толща океана. Ведь первая страна относилась к бывшей территории Евразии, а остальные две к обоим Америкам.

Но, к сожалению, эта новая модель мира не смогла примерить народы стран, и войны продолжились. А дальше случилась та последняя и роковая война, которая поставила точку на мировой цивилизации. В апокалипсис было использовано ужасающее бактериологическое оружие, и вся чудовищность его была заключена в том, что вирус-монстр, выпущенный на волю, избирал и убивал лишь взрослых, минуя детей.

Так Уолверт, а вслед за ним Логрес и Кадор стали стремительно приходить в упадок, ввергаясь в дикое средневековье, известное далёкому прошлому. Говорят, что история сходна со спиралью, подобно временной пружине, она имеет свойство повторяться на оборотах.

Всё так. История такова, что её необходимо пересказывать, дабы не забывать.

Суб. past

Встретилась сегодня с Кливлендом, он пришёл к нашей скамейке, кутаясь в твидовое пальто приглушённого зелёного цвета с добротным намотанным на шею белым ангоровым шарфом. Голову накрывала кожаная кепи с дополнительными отворотами для защиты ушей от ветра. Шляп мистер Вайсман избегал носить потому, что якобы они добавляют солидности и не так согревают голову, в особенности уши.

– Лиза, не обращай внимание на мой наряд. – Он присел рядом и пожал мою руку. – Но я стар, а моё тело с годами стало чрезвычайно чувствительно к погоде октября.

– Да что вы, Кливленд, вам очень идет это пальто, вы в нём, как лондонский джентльмен. А эти шарф и кепи вам придают сходство с небезызвестным Шерлоком Холмсом.

– Ах, мой верный Ватсон. – Он улыбнулся. – Так по какому случаю ты меня вызвала сюда сегодня и разлучила с тёплой кроватью, глинтвейном и моим любимым Эдгаром По? Я как раз добрался до «Красной маски смерти».

– Я всё-таки хочу помочь Агате. И у меня вопрос к вам.

– Ты по-прежнему не оставляешь эту мысль – растормошить ту мрачную девочку. – Он спрятал руки в карманы пальто, ёжась от пронизывавшего влажного ветра, в котором уже проскользнули первые крупы зимы. – Всё-таки глупая это затея, но тебя не остановить. Так в чём суть вопроса?

– Во-первых, вы когда-нибудь заглядывали в будущее? Но не на неделю или месяц вперёд, а на много лет?

– Было такое дело. Мне тогда было лет двадцать пять, не помню точно, что именно меня подвигло рвануть в будущее, может книг с фантастическими историями начитался, тогда это было модно, а может, причиной стал алкоголь. Да-да, Лиза, не смотри так удивлённо, я тоже был молод, а значит и грешен. И занесло меня лет на сорок вперёд. И знаешь, что я тебе скажу, не понравилось мне то, что я увидел. Тогда не понравилось. И дело не в техническом прогрессе и загрязнённом воздухе. Этому я не особо удивился. Вспомни, я был переполнен рассказами научных фантастов и оттого подсознательно был готов к тому, что предстанет моему взору. Но вот к чему уж я не был готов, так к тому, во что вылилось развитие человечества. Ты этого не поймешь, я жил в другое более чистое время, люди тогда были более открыты друг другу, доверчивость была естественной вещью, а погоня за деньгами ещё не поработила человечество до чудовищных форм, хотя и присутствовала незримо неизлечимым вирусом, но в умеренном виде. И вот в будущем я увидел последствия пандемии этой болезни. Люди стали злыми, закрытыми и алчными. Практически поголовно. Отзывчивость? За деньги. Помощь? За деньги. Спасти чью-то жизнь? За деньги. Весь мир растаял в деньгах, и я понял, что мой мир, куда лучше, но ему придет конец. И я зарекся от путешествий в будущее. Нет, я больше не предпринимал вылазок даже на год вперед. Я боялся в каждом последующем дне найти необратимые изменения в человечестве и узнать, что мой мир рухнул в тартарары. Но годы прошли, и я день за днем прожил эти злосчастные сорок лет. И всё произошло так, как и должно было произойти. Можно погружаться в прошлое потому, что оно уже случилось, оно было, а вот будущего лучше не знать, ведь можно там найти то, что навсегда потрясёт и заберёт покой, одарив взамен страхами. Скажи, Лиза, неужели тебе будущее подарило счастье и безмятежность? Я вижу лишь сомнения и печаль в твоих глазах.

– Вы правы отчасти, Кливленд, но я, в отличие от вас, сумела разглядеть и хорошее в грядущем будущем. Как и в вашем случае, мой мир падет и от него ничего не останется, но там всё же будут жить люди, личности совершенно иного склада души. Я видела лишь некоторых, но в них же я разглядела надежду к возрождению прошлого, а значит, ничего не кончится, всё только начнётся. С нуля, с отсчётной точки. И меня это не пугает, я хочу видеть это, чувствовать это и помочь, пусть даже за это я поплачусь. Я верю в этих людей, они совершенно не такие, как сейчас, что окружают нас с вами, они очистились от мрачного налёта цивилизации и получили ценный урок, которым воспользуются во благо.

– Bravo, Ватсон, ты куда смелее и отважнее Шерлока. И веры в тебе куда больше. А каков второй вопрос?

– Это сложнее. Я мучаюсь догадками, как вывести Агату из тумана вины за гибель брата и подружить её с другими детьми.

– Это слишком ответственный шаг, Лиза. Ты не можешь предугадать, к чему это может привести. А может она и не должна ни с кем контактировать. Может это её удел?

– Я не верю в подобную участь для маленького ребенка! У детей должно быть беззаботное детство, даже в такой стране, как Уолверт, должны быть друзья, общение и никакого чувства

вины. Она любила своего брата и не должна всю оставшуюся жизнь сторониться людей только потому, что произошёл этот самый роковой случай. Это неправильно. В этом заложена ошибка.

– И ты, как благородный рыцарь, собираешься исправить эту ошибку.

– Да, профессор. – Я когда волнуюсь, начинаю называть мистера Вайсмана профессором, что его раздражает, но он мне это прощает. – Собираюсь. И начну это со следующей высадки к ребятишкам. Больше я не буду откладывать это дело. Пора Агату выводить из мрака на свет. Она порядочно поплатилась за то, в чём её вины нет.

– А откуда ты знаешь, что она не причастна? У тебя есть неопровержимые доказательства? Я бы не стал опрометчиво доверять ребенку, который ни с кем не разговаривает и дружит лишь с курицами и козами. Это странновато, не находишь?

– Для меня это не странно, а напротив, естественно. В детстве, когда я была совсем маленькой, играла и дружила лишь с куклами. Взрослый мир мне казался чем-то чуждым и враждебным. И Агата также чувствует опасность со стороны взрослых, поэтому и прячется среди тех, кто ей не сможет навредить или причинить обиду.

– Но чтобы бояться так людей, надо, чтобы они тебя обидели. А её семья вроде бы нормальная в этом плане, Лиза.

– Её мог обидеть кто-то другой. Есть же соседи. Я всё узнаю и вам расскажу.

– Хорошо, Лиза, но будь осторожна. Всегда будь осторожна. Особенно там.

Суб. past

У наблюдателя есть ещё один полезный и удобный козырь в странствиях по времени – способность автоматически перенимать любой язык. Это весьма приятно, согласишься, знакомый мне чтец. Окажись я в древнем Риме или в средневековом Китае, даже в Уолверте, стране, где смешались все известные языковые группы, и там я смогу без проблем понимать людей и общаться, как только моя нога ступит на их землю. Кажется, и у хранителей есть подобный дар. Полезная вещь, что ни говори.

Воск. future

Сегодня я была приглашена на знаменательное торжество в полюбившемся мне семействе – день рождения Марии. В прошлый мой приход она настоятельно просила зайти к ним на праздничный ужин, и никакие отговорки не принимались. Я, конечно же, согласилась.

В подарок я выбрала флакончик духов с волнующим запахом душистой сирени. Мне его подарили по случаю именин, но пользовалась я этим ароматом раза два от силы, хотя сладковатый и чувственный запах цветков, словно после дождя, мне нравился своей воздушностью и ненавязчивостью. Просто я любитель более фруктовых и ягодных нот в парфюмерных водах.

Упаковав флакон в обычную серую бумагу, дабы не вызвать ненужных потом вопросов, – бумага сама по себе уже подарок в Уолверте, – я взяла с собой Феликса и небольшие свёртки для детей и Константина. Я просто не могла оставить их без внимания.

Утепившись в короткий пуховик, я ступила в промозглый ноябрь будущего, где меня ожидали в Лоне. Таково было название этого небольшого поселения, одними из основателей которого были Константин с Марией. Имя посёлку дали в честь того, кто первым ступил на эту спокойную и плодоносную землю после тяжелых и печальных дней апокалипсиса. Им оказался любознательный мальчик по имени Лон. Вместе с группой подростков и прибывших к ним взрослых, этот мальчуган дошёл до того разрушенного городка, где мы с Аннушкой и Петром свели знакомство. И когда эта небольшая группа преодолела унылые окрестности мёртвых развалин, и собиралась двинуть свой путь дальше на юг, то обнаружили, что Лона нет среди детишек, семенивших с основной повозкой. Его звали, но разбредаться на его поиски

никто не решился, так как в то беспокойное время можно было легко стать жертвой лихого сброда, а сносного оружия, способного противостоять нападению, при себе не было. Но Лон сам нашёлся, он вернулся к группе и сообщил, что за деревьями есть очень хорошее, спрятанное от людского глаза место, где можно было бы остановиться на ночлег, не боясь быть застигнутыми врасплох. В итоге этот временный ночлег стал постоянным домом для блуждавших людей, а место по праву получило имя смелого мальчика, который, к несчастью, не дожил до моего прихода.

Я всегда прихожу в одно и то же место – на окраину того разбитого городка, а дети ждут меня каждый раз на пустыре, в центре города, где мы впервые познакомились. Это наше заветное место, это наша исходная точка.

В этот вечер меня никто не встречал, брат с сестрой ждали меня в доме, так мы договорились заранее. Но меня ожидала другая, совершенно неожиданная встреча. Уже достигнув Лона и бредя по его единственной мощённой булыжниками дороге, меня окликнул голос из одного дома. Я вздрогнула от неожиданности, всего в нескольких шагах от меня за добротным, но невысоким забором стояла пожилая женщина и как-то недобро смотрела в мою сторону.

– Эй, ты, подойди ближе. – В её голосе перемежались пренебрежительное высокомерие и заинтересованность.

– Что вам нужно? – У меня не было никакого желания уменьшать расстояние между мной и той, что стояла за забором.

– Поговорить, подойди, я тебе говорю. Ты что тупая? – А вот это меня уже вывело из себя.

– Выйдите сами, раз хотите разговора, мне некогда, меня ждут.

– Ах, так! Ну что ж, я сделаю тебе такое одолжение, малявка, я сейчас окажу его тебе в самой полной мере.

Честно, мне стало не то что не по себе, даже страшновато, когда эта особа заковыляла к калитке, а затем вышла на булыжную дорогу и направилась, тяжело прихрамывая ко мне. Грузная, в многочисленных одеждах, словно кочан капусты, она опиралась на низкую палку, служившую тростью. При каждом последующем шаге ковыляние усиливалось. Мне даже подумалось, что хромота была притворной.

– Ишь, какая цаца, не могла подойти к больной женщине. Постыдись. – Она остановилась рядом, и эта близость меня пугала, особенно палка, и то, как старуха её держала, сжав в кулаке.

– Извините, я не знала, что у вас больна нога, но меня действительно ждут. – Я отчаянно смотрела в сторону последнего домика, окна которого светились дружелюбными огоньками.

– Ничего, подождут. Знаю я, к кому ты спешишь. Меня больше волнует, кто ты такая и какого чёрта здесь околачиваешься с недавнего времени?

– Это не ваше дело. – Больше с резкостью и откровенной грубостью незнакомки я не желала мириться, хоть она и годилась по возрасту мне в бабушки.

– Чего?! Да я основывала эту деревню, поднимала с нуля. А ты паршивка сопливая мне тут будешь пререкаться?!

– И что с того? Это не даёт вам права разговаривать со мной в подобном тоне. Вы даже не представились, между прочим.

– Ах, тебе нужно моё имя! Так знай, что разговариваешь с Флорой Августой Минестрана. А теперь своё имя назови, да поживее! – Она буравила меня своими сузившимися до чёрных точек глазами, свирепее старухи я ещё не встречала.

– Моё имя Лиза. А вот почему я здесь, вас это никоим образом не касается.

– Что?! Меня касается каждый куст, каждая травинка этого места, не говоря о подозрительных нахалках, шляющихся по Лону, когда им вздумается. – Она рассвирепела не на шутку, брызги слюны, летевшие в мою сторону и как знать, вполне ядовитые, вынудили меня отступить назад.

– Послушайте, что вы ко мне привязались? Вам жить скучно? – Я уже обдумывала план бегства.

– Чего? Да как ты смеешь! Паршивка! Константин да Мария всегда в дом всякий сброд тащат. То подозрительных детей, то нахальных девок. А сами концы с концами сводят, их дом навещает какой-то весьма странный тип разбойничьей наружности. А теперь и ты, милочка. И все это мы должны терпеть? Нет, всему есть предел.

– Да что с вами такое? Почему вы такая злая?

– Ах ты, мерзавка! Ты должна молчать и слушать, когда я говорю, а не дерзить мне! У твоих приятелей и дочь не от мира сего. Утопила братика и сама тронулась умом. – Казалось, что старуха получала садистское удовольствие, поливая грязью и злословя на соседей. – Кто ты такая и что тебе нужно в Лоне? Отвечай!

Я изловчилась и обогнув эту свирепую гарпию, едва не получила удар палкой. Старая перчница не сдавалась, разошлась она не на шутку. Тогда я схватила деревяшку за другой конец и вырвала её из цепких рук старухи.

– Отдай сейчас же! Отдай! А не то я тебе!

– Что вы мне сделаете? Что? – Я подошла к ней вплотную, держа в руках её же палку. – Ударите меня? А я думаю иначе. Только попробуйте обидеть Константина и его семью, а в особенности Агату. Я всё узнаю и тогда вам уже не сдобровать Флора Августа Минестрана.

– Да как тебе не стыдно? На старую женщину поднимать руку! – Возмутилась старуха, но в голосе её промелькнул испуг.

– Да, вы старая, но вы ещё и злая бессердечная женщина. И я не собираюсь поднимать на вас руку. Наказать человека можно и без насилия. Но вам этого не понять. Вы слишком глупы, мадам. Заберите назад вашу палку, но упаси вас, её употребить так, как вы только что пытались. Тогда я за себя не ручаюсь.

Я бросила к её ногам палку и, повернувшись спиной, зашагала к домику на опушке леса, а старуха подняв с земли свою опору, громко и смачно выругалась, но мне уже было совершенно наплевать на это.

Дверь мне открыла Мария, и очевидно заметив в моём лице определённые эмоции после общения с мадам Минестрана, поинтересовалась:

– Добрый вечер, Лиза, что-то случилось? Ты сама не своя.

– Вечер добрый, моя проницательная хозяйюшка. Извини меня за опоздание, но злая ведьма преградила мне дорогу к вашему дому и устроила допрос с пристрастием. – Я сняла пуховик и ботинки, взамен мне предложили легчайшие кожаные башмаки – обувь, которая допускалась для ношения в доме.

– Неужели тебя подкараулила сумасшедшая Флора?

– Она самая. Только для сумасшедшей она слишком соображает.

– Она не причинила тебе вреда, дорогая? А то у неё временами ум за разум заходит.

– Это ты ещё слабо сказала. По-моему у неё крышу снесло давно и основательно. И как мне кажется, она вам завидует. Столько яду в одном человеке я ещё не видела.

– Это язва всей деревни. Она одна из выживших взрослых.

Напомню тебе, незнакомец, в апокалипсис было использовано страшное по силе и мощи оружие, и вирус, выпущенный им на волю, избирал и уничтожал лишь взрослых. Поэтому после той жуткой войны уцелели в основном дети. Но взрослые не все погибли, у выживших был особый иммунитет. Среди них были как хорошие, так и плохие люди, а были и такие, как Флора Минестрана. Это особая категория – важные напыщенные баловни судьбы, гордящиеся своей длинной знатной родословной. Такие люди всегда суют свой нос в чужие дела, считая, что всё подчинено им, хотя они давно уже перестали быть хозяевами жизни. Они, скорее приживалы, но кичатся своим возрастом и давят им, словно авторитетом, хотя и пальцем не приложились к созданию нового мира.

– Она с пеной у рта брюзжала о том, что она одна из основательниц Лона, – в раздражении отозвалась я. – Плевать трижды, что она самая старая.

– Да брешет она. Это всё, что она умеет. Ни черта она не сделала, дом, в котором она живет, построил её зять, которого она ненавидела и всячески унижала. Парень не выдержал этого и, забрав жену с детьми, попросту сбежал из Лона. А она осталась одна и стала ещё более лютой. Теперь она срывается на любом, кто ей не приглянется. Соседи с ней по возможности стараются не общаться и обходят её дом стороной. Очень жаль, что она попала тебе именно сегодня и испортила настроение. Теперь и ужин наш тебе не по душе будет.

– Что ты, Мария, у тебя сегодня такой чудесный праздник и ничто не омрачит его. Слышишь? Ничто! Пойдём скорее к остальным.

Мы перешли в кухню, где уже на стол накрывали Константин с Петром, а помогали им девочки. Как только я переступила кухонный порог, Аннушка бросилась ко мне и, подбежав, обхватив за ноги, прижалась. Её брат был куда сдержаннее, но и он просиял в своей снисходительной улыбке; Агата, как обычно, не смотрела в мою сторону, будто меня не было и вовсе, а вот хозяин подошёл и, вобрав мою ладонь в свои мозолистые руки, тепло пожал её.

– Лиза, Лиза, смотри, какой мы пирог испекли! Смотри, какой он большой и красивый, – трещала Аннушка звонким голосом и, ухватив меня за другую руку, уже тащила к накрытому столу.

Ужин обещал изобилие яств, помещение же наполнилось соблазнительными ароматами. Стол был основательно уставлен картофелем, печёной курицей, сыром, хлебом, но сегодня к ним добавились вяленая рыба, копчёный окорок, что было воистину королевским угощением, и в самом центре стола величественно торжествовал гигантский пышный пирог с яблоками, украшенный алыми ягодками клюквы и янтарными дольками апельсина, которыми я снабдила ранее домочадцев.

– Какая красота, Мария! Ты превзошла саму себя. Такой красивый стол. И как всё уместилось на столе? Чудо!

– Да что этот стол, Лиза, я помню, когда мы с мамой накрывали такие столы, до того как миру пришёл конец. По сравнению с теми пирами, это бледная тень.

– Для нового мира этот стол – настоящий пир. И все присутствующие согласятся со мной. – В ответ хозяйка обняла меня, я видела, как блеснула слезинка у расчувствовавшейся Марии.

– Но перед тем, как приступить к расправе над этой вкусной и аппетитно пахнувшей едой, я хочу сделать небольшой подарок. Уж не знаю, принято ли ещё в этом мире дарить подарки на день рождения, но некоторые привычки и традиции должны жить вечно по моему представлению.

Я торжественно извлекла из своей торбы свёрток из серой бумаги и протянула его хозяйке дома. Она недоуменно уставилась на мой дар, видно её смутила сама речь о подарке, поэтому мне пришлось её попросить развернуть упаковку и посмотреть на содержимое. Когда она извлекла небольшой флакончик духов, глаза её округлились от изумления, она уставилась на меня, как на чудо света.

– Лиза, ты точно фея. Откуда, скажи мне, откуда ты смогла найти эту роскошь? Духи в наше время... они исчезли давным-давно. Такие были у моей мамы, когда я была маленькой. – Она осторожно сняла крышку и принюхалась к аромату. – Точно, сирень. Такие же точно, как у мамы были... Это очень дорогой подарок, Лиза, я не могу его принять.

– Что ты, Мари, как можно! Это же подарок. Нельзя отказываться от него. Тем более в день своего рождения. Ты хочешь меня обидеть?

– Нет, конечно, нет, дорогая. Ты не представляешь, как много для меня значит это напоминание из прошлого. Моё детство и юность. Этот запах, он был моим любимым, я тайком

брала мамин флакон и прыскала волосы. Боже, я снова могу вспомнить всё это благодаря тебе, снова могу пережить счастливые моменты прошлого. Кто ты, Лиза? Откуда же ты?

– Если тебе так проще будет, то считай меня феей. С Днём Рождения, Мария!

– Спасибо тебе, дорогая.

– Это ещё не всё. Не могла же я забыть про остальных.

Из сумки были извлечены другие свёртки и розданы всем. Дети, растерзав бумагу, обнаружили пирожные, сдобренные кокосовой стружкой и корицей. А вот Константину досталась курительная трубка, выточенная из кости.

– Такое ощущение, что сегодня у всех день рождения, а не только у моей жёнушки, – произнес он, зачаровано исследуя подарок. – Это очень дорогая трубка, добротная, табак в ней будет благоухать и перестанет отдавать жжёным деревом. Спасибо, Лиза, ты волшебница.

– Ладно, господа хорошие, давайте, угощайте меня своим фирменным пирогом, у меня уже слюнки текут.

Пирог действительно оказался волшебным, сдоба таяла во рту, а запечённые в ней яблоки отдавали накопленную за лето душистость и сладость солнечных дней, и даже ягодки клюквы идеально дополняли вкус чуть терпкой кислинкой, переплетённой с цитрусовым настроением апельсина.

Когда дело дошло до чая, заваренного из трав, которые собирали заботливые руки хозяйки, детям наконец-то было разрешено приступить к расправе над пирожными, что было осуществлено немедленно. Аннушка и её брат ели лакомства, не торопясь, раскрывая с каждым куском незнакомый им доселе вкус и откладывая его в закрома памяти. Агата же так и не притронувшись к подарку, вяло попивала чай из своей чашки, а потом отпросилась у матери и покинула нашу компанию. Меня очень это расстроило, мне так хотелось растормошить эту девочку и вернуть её личику былую беззаботность детства.

После чая мы взяли табуреты и вышли к костру, предусмотрительно разведённому хозяином. Пётр вынес граммофон, завёл его и ночной воздух наполнился душевным романсом. И вот тут я увидела новое чудо – Константин подошёл к Марии и протянул руку для танца. Она тут же подала её ему и они, обнявшись, закружились в дивном вальсе. Непередаваемое ощущение. В этот момент я не видела на них старых поношенных курток, утеплённых штанов и тяжёлых ботинок. Нет. Передо мною вокруг танцующего пламени кружилась молодая волнованная воображение и время пара – сиятельный кавалер, влюбленный до глубины души в свою прекрасную и очаровательную даму, которая с обожанием смотрела только на него. И я молила про себя граммофон, чтобы он играл как можно дольше, чтобы сказка этого танца продлилась, я знаю, что такие моменты не повторяются. В другой раз всё будет по-другому.

Я оглянулась в сторону дома, и мне показалось, что одном окне, принадлежащем спальне детей, мелькнуло личико. Я снова подумала об Агате и решила, во что бы то ни стало, помочь этой бедняжке вырваться из сетей вины, а возможно и чего-то большего, тяготившего с такой невероятной силой девочку, что она пропускала музыкальную посиделку у костра. Я могу поклясться, что замечала и не раз, как она подпрыгивала ножкой в такт, когда из граммофона вырывались задорные весёлые мелодии, но тут же замирала, когда ловила чей-то взгляд на себе. Я должна раскрыть её тайну и освободить от неё Агату. Да, я знаю, что лезу туда, куда не следует. Но я уже давно зашла слишком далеко, а значит, это уже не столь существенно.

– Это был самый незабываемый день рождения с тех пор, как рухнул старый мир. Лиза, спасибо тебе, за последнее время ты стала нам не только доброй гостьей и феей, но чем-то большим. Я давно так не веселилась и не танцевала.

Мария светилась и лучилась девичьей красотой, а Константин не отходил от жены, любовно обнимая её за талию. Они сегодня напоминали молодожёнов, и это чувствовали дети, заморожено и с восхищением следившие за каждым шагом взрослых. Сегодня не было дядь и тёть, племянников и приёмных детей, сегодня это была единая, монолитная и любящая семья,

которая раскрылась на моих глазах в новом свете, но важнее то, что она открылась заново для самой себя.

Пон. past

Ранее я упоминала, что у меня есть старшая сестра Лилия и нас разделяет пара лет. Но я зову её просто Лили. Мы очень дружны и порой мне кажется, что она тоже наблюдатель по тому, как смотрит на всё вокруг остро и чётко, подмечая любую мелочь и деталь. А ещё она полна самых удивительных мыслей, которыми делится со мною.

Сегодня вечером она вбежала ко мне в комнату, где я лежала на своей любимой кровати-убежище-от-времени-и-других-проблем. Её лицо светилось радостью, а глаза возбужденно блестели в отсветах ночника, берегущего вечерами моё уставшее за день зрение.

– Так, Лили, ничего не говори, ты снова что-то открыла. Это какой-то заговор теней или тебе стало известно, кто создал всё сущее?

Никому не дано постичь того, как работает голова моей сестрёнки, каким образом устроен её внутренний мир, ведь она умудряется в самом заурядном и обыденном, повседневном и ежечасном узреть такое, что сказать «диву даёшься» – ничего не сказать.

– Да ну тебя, Лиса. Это так необычно и так просто. Я ехала в автобусе домой и бац! – У нее всё ещё не хватало слов охарактеризовать то, что она только что постигла, да и эмоции мешали ей собраться.

– Так, сестрёнка, присядь и успокойся. Воздуха поболее в лёгкие набери и выдохни. Вдохни и выдохни. Так-то лучше. Успокоилась?

– Немного да. Но ты не представляешь. Сейчас я тебе все объясню. – Она снова вскочила с краешка кровати, куда едва присела, оставаться в покое сейчас она была не в состоянии, я её не удерживала, прекрасно понимала, что лучше дать выплеснуться тому, что сейчас кипело в голове Лили.

– Хорошо, валяй, выкладывай великое открытие века.

– У тебя часто бывает такое, что ты читаешь какую-нибудь фразу или слово и сначала видишь его иначе, а потом разбираешься, смеешься, типа совсем ослеп и не вижу ни фига, и забываешь?

– Ну, да бывает. И что в этом такого?

– Бывает и часто?

– Ну, Лили, я не совсем понимаю, о чём ты.

– Давай вместе подумаем об этом. А почему, собственно говоря, ты решила, что всё дело в невнимательности, рассеянности или плохом зрении? Ну, почему?

– Потому что это очевидно.

– Я предлагаю тебе расширить сейчас своё мировоззрение немножечко шире. Совсем чуть-чуть. И не пугаться. Приготовилась?

– С тобой я готова к чему угодно, Лили.

– Тогда в путь! Вот давай представим себе, ты смотришь на слово. И сначала видишь его в ином значении. Представила? Но потом это значение меняется, и ты быстро забываешь, то первое, кажущееся значение.

– Можно сказать, что представила. – Я улыбалась, в предвкушении последующей сестриной тирады.

– А зря! – Она умеет интриговать, моя Лили.

– Почему?

– А я сейчас объясню. – У неё аж дыхание сбилось, такое её охватило волнение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.